

О характеръ и значеніи древнихъ купальскихъ обрядовъ и игрищъ.

Въ настоящее время отъ древней языческой религіи нашихъ предковъ Славянъ сохранилось въ народѣ только нѣсколько малопонятныхъ ему именъ божествъ, которыя продолжаютъ удерживаться въ его памяти лишь въ силу того, что они входятъ въ составъ обрядныхъ пѣсень, а также различныхъ заговоровъ, пословицъ и поговорокъ. Последнія же, въ ихъ очередь, неразрывно связаны съ народными обычаями и обрядами, которые, хотя и являются обыкновенно утратившими въ народномъ сознаніи свое первоначальное значеніе, тѣмъ не менѣе отличаются чрезвычайно живучестію. Обрядъ, обыкновенно, и долженъ служить критеріемъ при объясненіи смысла сопровождающихъ его изреченій и пѣсень. Языческихъ обрядовъ сохранилось въ народѣ еще очень много, и они даютъ намъ способы къ проникновенію въ тайны древнѣйшихъ вѣрованій, давно утраченныхъ и забытыхъ, къ возведенію скудныхъ остатковъ древнихъ религіозныхъ представленій, о которыхъ, несомнѣнно, свидѣлствуютъ многіе народные заговоры, пѣсни, пословицы и поговорки,—къ ихъ источнику, къ возстановленію ихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ.

Среди различныхъ праздничныхъ обрядовъ несомнѣнно языческаго характера въ настоящее время едва ли не первое мѣсто и по своей многочисленности и по своей широкой распространенности занимаютъ такъ называемые „купальскіе“ обряды, остатокъ древнеязыческихъ обрядовъ и игрищъ.

Чтобы выяснитъ по возможности настоящій характеръ и значеніе этихъ послѣднихъ, необходимо припомнитъ въ общихъ чертахъ о томъ религіозномъ міросозерцаніи, какое выражалось въ праздникахъ нашихъ предковъ, Славянъ-язычниковъ, и лежало въ основѣ этихъ праздниковъ и, затѣмъ, о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, какимъ подвергалось это міросозерцаніе въ теченіи послѣдующаго ряда вѣковъ, вызывавшихъ въ ихъ очередь и видоизмѣненія въ характерѣ народныхъ праздниковъ.

Дѣленіе года у древнихъ Славянъ опредѣлялось тѣми естественными, для всѣхъ наглядными, знаменіями, какія даются самою природою. Годъ распадался на двѣ половины: на лѣтнюю и зимнюю и начинался съ наступленіемъ

весны, когда природа пробуждается отъ мертвеннаго зимняго сна къ жизни, и свѣтлые боги приступаютъ къ созданію своего благодатнаго царства. Главная мысль, лежащая въ основѣ почти всѣхъ народныхъ праздниковъ и праздничныхъ обрядовъ, можетъ быть выражена въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: смерть природы зимою и обновленіе или воскресеніе ея весною.

Въ естественной смѣнѣ временъ года, зимы и лѣта, древній человѣкъ видѣлъ борьбу двухъ противоположныхъ силъ. Съ поворотомъ солнца на зиму и соединялась мысль о замираніи творческихъ, плодотворныхъ силъ природы, а съ поворотомъ этого свѣтила на лѣто соединялась мысль о ихъ возрожденіи¹⁾. Первая мысль выразилась въ ряду весеннихъ праздниковъ, вторая—зимнихъ.

Причина разнообразія народныхъ праздниковъ прежде всего заключается въ разнообразіи естественныхъ явленій, лежащихъ въ основѣ этихъ праздниковъ; въ мифическихъ представленіяхъ народной фантазіи нельзя видѣть преимущественно образовъ одного извѣстнаго порядка явленій природы, напримѣръ, только грозовыхъ или только солнечныхъ явленій: напротивъ, тѣ и другія явленія обращаютъ на себя болѣе или менѣе одинаковое вниманіе младенствующаго народа, равно возводятся на степень боговъ и чествуются особыми праздниками. Такъ, напримѣръ, къ числу „солнечныхъ“ и народныхъ праздниковъ могутъ быть отнесены: „коляда“, „масляница“, „пасха“, „Юрьевъ день“, „Иванъ Купала“, а къ грозовымъ: Ильинъ день, Жильный Четвертъ и др.²⁾

Затѣмъ явленія одного и того же порядка, напримѣръ, солнечныя или грозовыя, представляемы были въ чрезвычайно разнообразныхъ и многочисленныхъ образахъ: то они выразились въ мужскихъ и женскихъ образахъ, то понимались со стороны различныхъ своихъ свойствъ, благотворныхъ или вредныхъ для человѣка, то, наконецъ, замѣчаемы были различные моменты борьбы благотворныхъ силъ природы съ враждебными силами. Всѣ такіе образы и олицетворяемы были въ видѣ отдѣльныхъ божествъ и чествовались особыми праздниками. Такимъ образомъ, рядомъ съ народнымъ праздникомъ св. Андрею явился народный праздникъ въ честь св. Катерины, съ Иваномъ Купалой—Аграфена Купальница, съ Ильею Громовникомъ—„Огненная Марія“. Торжество благотворныхъ явленій свѣта надъ силами тьмы образовало цѣлый рядъ праздниковъ въ честь весны. „Каждому новому успѣху въ годичной борьбѣ свѣта съ непріязненной тьмой, говоритъ О. Миллеръ, долженъ былъ посвящаться особенный праздникъ, а всѣ они вмѣстѣ составили цѣлый годичный кругъ съ особыми пѣснями и обрядами для каждаго его звена“.³⁾

Умноженію числа народныхъ праздниковъ способствовало и то обстоятельство, что къ своимъ небеснымъ богамъ народная фантазія стала посте-

¹⁾ Поэт. возр. Слав. на природу Аѳанасьевъ, т. III. гл. XXVIII.

²⁾ „Мифическая старина“ Аверкіева. „Заря“ 1871 г. № 4 стр. 140—142.

³⁾ Опытъ истор. обзор. Русской словесности. О. Миллера, изд. 2. 1866 г. I, 26.

ленно присоединять и различныя демоническія существа. Тѣ поэтическіе обряды, въ которыхъ рисовала народная фантазія могучія стихіи и ихъ вліяніе на природу, почти исключительно были заимствованы изъ того, что окружало человѣка, что потому самому было для него ближе и доступнѣе. Изъ собственной житейской обстановки бралъ человѣкъ свои наглядныя уподобленія и заставлялъ божественныя существа творить на небѣ то, что самъ онъ дѣлалъ на землѣ. Но какъ скоро утрачено было настоящее значеніе метафорическаго языка, старинныя мѣты стали пониматься буквально, и боги, мало по малу, унизились до человѣческихъ нуждъ, заботъ и увлеченій и съ высоты воздушныхъ пространствъ стали низводиться на землю—на это поприще народныхъ подвиговъ и занятій.*)

Такимъ образомъ, богини небесныхъ облаковъ низведены были на землю и олицетворены въ образахъ вѣдьмъ и русалокъ, воспоминанію которыхъ посвящены были особые дни. Низведенныя же на землю божества подверглись вліянію и тѣхъ климатическихъ перемѣнъ, какія происходили въслѣдствіе переселенія нашихъ предковъ изъ теплыхъ странъ въ болѣе холодныя. Преходя съ знойнаго Юга на холодный Сѣверъ, народъ невольно становился въ другія отношенія къ окружающей его природѣ: лазуревое, южное небо, днемъ озаренное лучами благодѣтельнаго, но въ тоже время грознаго-палющаго, всеожигающаго солнца, а ночью блестящее яркими огнями звѣздъ, на Сѣверѣ замѣнилось блѣднымъ, большую часть года закрытымъ сѣрыми тучами небеснымъ сводомъ; сѣверный житель съ жадностію ловитъ каждый лучъ солнца, согревающій холодную почву, большую часть года скованную морозомъ и снѣгами. Въ сѣверныхъ широтахъ солнце естественно утратило, поэтому, въ народной фантазій свою грозную природу, получивъ на народномъ языкѣ названіе „батюшки краснаго солнышка“. Звѣзды, которыя играли столь важную роль въ религіи южныхъ народовъ, у Славянъ, съ переселеніемъ ихъ на Сѣверъ, почти вовсе потеряли свое прежнее міѳологическое значеніе. Солнце сосредоточило на себѣ преимущественное вниманіе народа: на солнце перенесены были многія черты и свойства, которыя прежде приписывались другимъ небеснымъ свѣтиламъ.

Грозный, губительный для человѣка и всей живой природы южный зной, приносящій засуху и заразу, на Сѣверѣ замѣнился холодною сыростію, лютыми вьюгами и морозами. На Югѣ человѣкъ проводитъ большую часть жизни подъ открытымъ небомъ, невольно созерцая явленія окружающей его природы, на Сѣверѣ же онъ ютится въ теплой избѣ, вмѣсто яркаго звѣзднаго неба онъ созерцаетъ пламя очага, которое любитъ и почитаетъ какъ святию. Если въ обрядахъ Рождества, говоритъ О. Миллеръ, во время еще рѣшительно-зимнее, какъ бы заранѣе торжествуется лѣто, то это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что обряды эти вынесены нашими предками изъ тѣхъ болѣе теплыхъ странъ, въ

*) Поэтич. возр. Слав. на природу, Аванасьева т. I. гл. 1.

какихъ сложились первоначально вѣрованія Славянскаго народа. На это, повидимому, указываетъ и прищѣвъ, нерѣдко раздающійся у насъ о Рождествѣ, пѣсенный прищѣвъ о виноградѣ, а также и попадающее въ тѣхъ же пѣсняхъ упоминаніе о Дунаѣ*).

Оставляя теплыя страны и переселясь въ болѣе холодныя, народъ до извѣстной степени сообразно съ климатомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ праздновалъ начало весны позже. Приурочивая свои праздники, соответственно климату, къ болѣе позднему времени, народъ не забывалъ и о прежнихъ, болѣе раннихъ праздникахъ.

Наконецъ, едва ли не самое большое вліяніе на раздробленіе и размноженіе народныхъ праздниковъ оказано было христіанствомъ: оно принесло съ собою свой календарь, свои праздники и посты, которые двоевѣрный народъ смѣшалъ со своимъ календаремъ и со своими праздниками и эти послѣдніе перенесъ на другіе дни или же одинъ и тотъ же праздникъ раздѣлил на нѣсколько праздниковъ.

Остатки древнеязыческихъ обрядовъ въ періодъ высшаго солнцестоянія сохранились не только у насъ въ Россіи, но и у другихъ народовъ. Во Франціи во многихъ мѣстахъ сохранился обычай возжигать Ивановскіе костры на коихъ сожигались живыя кошки или лисицы; нынѣ сжигаютъ на нихъ кости мертвыхъ животныхъ. Подобный же обычай сохранился и въ Германіи: Ивановскіе костры возжигаются въ Швабіи, гдѣ они называются *Himmels Feuer* и въ Даніи, гдѣ ихъ называютъ *Midsommersbaal* (средолѣтній Вааль). Въ Шотландіи молодые люди скачутъ черезъ огонь, въ то время какъ пожилые бормочатъ молитву; дѣвушки переходятъ черезъ пламя костровъ въ надеждѣ получить жениха, беременныя женщины—чтобы роды были легки. Въ Греціи женщины, прыгая черезъ Ивановскіе костры, восклицаютъ: „избавляюся (т. е. очищаюся) отъ грѣховъ“. Остатки подобныхъ обрядовъ сохранились у Эстовъ и многихъ другихъ народовъ. У насъ эти остатки весьма разнообразны и многочисленны.

Утромъ въ день св. Агриппины, 23 Іюня, во многихъ мѣстахъ крестьяне топятъ баню, а женщины готовятъ вѣнки, стараясь вплести въ нихъ цвѣты „Ивана да Марья“. Париться цвѣтомъ „Иванъ да Марья“ считается очень полезнымъ. До Аграфены-купальницы нѣкоторые считаютъ грѣхомъ купаться. Утромъ этого дня ходятъ собирать и пѣлебныя травы. Особеннымъ уваженіемъ пользуется „купальница“ или, такъ называемая, „кошачья дрѣма“. Ея стараются набрать, пока она покрыта еще утреннею росой, и влетаютъ въ вѣнки, выютъ изъ нея вѣнки, а остатки сохраняютъ, какъ лекарство отъ болѣзней. Въ югозападныхъ губерніяхъ „купальницею“ называютъ не „кошачью дрѣму“, а растеніе лютикъ (*galunculus*). Въ Малороссіи дѣвушки со-

*) Опытъ истор. обозр. Русской Словесности. О. Миллера. изд. 1-е. 1866 г. I, 27.

бирають для купальскаго вѣнка голубыя сокирки, панскій макъ, звѣробой, ноготки, мяту, кануперь. Въ вѣнокъ, какъ предохранительное средство, должна быть вплетена и полынь, которую кромѣ того въ этотъ день носятъ подъ мышками, въ виду охраны отъ вѣдьмъ и русалокъ.

Утро Аграфенина дня, а также и ночь этого дня, т. е. ночь на Ивана Купалу, считается самымъ лучшимъ временемъ для собиранія лекарственныхъ травъ, которыя пріобрѣтаютъ въ это время сугубую цѣлебную и даже чудодѣйственную силу. Стольнику Матюшкину пишетъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1657 году: „Которыя волости у тебя въ конюшенномъ приказѣ вѣдомы, и ты бѣ велѣлъ тѣхъ волостей крестьянамъ и бобыльмъ на Рождество Іоанна Предтечи Іюня въ 23-й день набрать цвѣту сереборинаго, да травъ империновой, да мятной съ цвѣтомъ и дяглу и дятельнаго корня по пять пудовъ“.

Въ старинныхъ и новѣйшихъ цвѣтникахъ и травникахъ весьма часто можно встрѣтить слѣдующія замѣчанія: „Трава чернобыль; подъ корнемъ ея есть уголь. Трава чернобыль растеть гдѣ крапива, похожа она на коноплю. Хорошо подъ корнемъ ея вырвать этотъ уголь и имѣть при себѣ, и во всемъ будетъ удача. А рвать ее Іюня 23 дня“. „Трава Царскіе Очи для женитьбы и въ бракъ, и въ пиръ, и въ судъ. Рвать эту траву Іюня 24 дня поутру. Трава чемерица для всякаго. Эту траву вырвать въ Ивановъ день. А корень ея годенъ носить при себѣ съ воскомъ: когда пойдешь въ судъ то судья все сдѣлаетъ въ твою пользу. Трава Адамова Голова. Эта трава растеть въ озерахъ и при рѣкахъ, ростомъ въ поясъ, кустиками, цвѣтъ ея рудожелтъ, кувшинцами, листовъ на ней 6, 8 и 12 бываетъ. Ту траву вырвать на Ивановъ день о купальницѣ, вечеромъ на зарѣ, или поутру на зарѣ и пронять ее сквозь золотую или серебряную цѣпочку. Корень ея носить при себѣ, тогда всѣ начальники будутъ покорны. А ежели хочешь увидѣть діавола, то освяти тотъ корень святой водой и положи подъ престолъ въ церкви на 40 дней и послѣ того возьми и носи при себѣ и узришь діавола. Трава Одоленъ для начальства. Трава Одоленъ растеть на черной землѣ, цвѣтъ ея рудожелтъ, листь какъ хлопчатая бумага. Угодно корень ея имѣть начальнымъ людямъ. И рвать ее Іюня мѣсяца 23 дня“....

По общераспространенному народному вѣрованію, въ ночь на Ивановъ день травы и деревья получаютъ способность перемѣщаться съ мѣста на мѣсто и вести между собою разговоръ. Вѣрованіе это распространено какъ въ Малоруссіи и Бѣлоруссіи, такъ и въ Великоруссіи. Рассказываютъ, что одна женщина въ ночь на Ивана Купалу сидѣла подъ березой съ двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ былъ грудной. Долго сидѣла она, какъ вдругъ услышала человѣческой голось, говорящій березѣ, подъ которой она сидѣла: „пойдемъ бабушку хоронить, она умерла“.—„Нельзя мнѣ идти: у меня на колѣняхъ сидитъ рабъ“, отвѣчала береза таинственному голосу. Это былъ разговоръ двухъ березъ: къ пожилой березѣ приходила молодая звать на похороны старой, которая, вѣроятно, отъ времени упала. Но березѣ, подъ которой сидѣла жен-

щина, идти было нельзя: на колѣняхъ ея (т. е. на корняхъ) сидѣлъ грудной ребенокъ ¹⁾.

Собранные на Ивана Купалу цвѣты служатъ въ Россіи и Бѣлоруссіи для особаго вида гаданья. Такъ, въ Слонимскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, нераспустившіеся цвѣтки „купавки“ втыкаютъ по одному въ стѣну, загадывая каждый цвѣтокъ на когонибудь изъ домочадцевъ. Чей цвѣтокъ распустится первымъ, тотъ первымъ и умретъ, чей вторымъ—тотъ умретъ послѣ перваго и т. д. Въ Новгородской губерніи для такого же гаданья служатъ цвѣты травы „богатеньки“: ее развѣшиваютъ по стѣнамъ на имя членовъ семьи и слѣдятъ, чей цвѣтокъ завинетъ ранѣе и чей поздиѣе.

Тамъ, гдѣ нѣтъ обычая топить баню, по утру въ день Аграфены-Купальницы купаются въ рѣкахъ и озерахъ. Купаться до этого дня во многихъ мѣстахъ считается за грѣхъ.

Послѣ мытья въ банѣ или купанья въ Нерехотскомъ уѣздѣ, Костромской г., ѣдятъ „купальную кашу“, изготовленіе которой поручается дѣвицамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эту купальницкою кашею кормятъ нищю братію. Нищая братія откликнулась на это радушное угощеніе стихиркою про убогую „вдовицу-купальницу“, гдѣ говорится про какого-то Кіевского князь-боярина Неупокоя Мироновича, одѣлишаго казною храмы Божіи, питавшаго отъ щедротъ своихъ сиротство убогихъ. Дожилъ Неупокой до старости и видитъ онъ однажды чудный сонъ, что лежитъ за городомъ, въ хвѣрости и болѣзни, убогая вдовица, и слышитъ онъ голосъ, чтобы взять ему ту вдовицу себѣ на дворъ, кормить-поить ее до исхода души, и тогда будетъ ему во „грѣхахъ“ отрада“. Пошелъ Неупокой за городъ, отыскалъ вдовицу и спросилъ объ ея имени: „Родомъ я изъ Новгорода, отвѣчала вдовица, а зовутъ меня Купальницей“. Князь-бояринъ началъ звать ее къ себѣ на житье. Купальница согласилась, но прежде велѣла ему созвать на свой широкой дворъ „нищую братію, всѣхъ калѣкъ переходжихъ“, напоить ихъ медовою сытою, накормить кашею гречневою. Сотворилъ Неупокой повелѣнное, и пришла къ нему вдовица-купальница и сѣла за общій столъ съ нищею братіею. Съ тѣхъ поръ сталъ бояринъ ежегодно ставить столы для убогихъ, и Купальница жила у него во дворѣ до исхода души ²⁾.

Вечеромъ, наканунѣ Иванова дня, во многихъ мѣстахъ стараются добыть „живой огонь“, т. е. огонь, добытый посредствомъ тренія. Этимъ огнемъ и зажигаются купальскіе костры. Возженіе костровъ въ купальскую ночь происходитъ у всѣхъ почти Славянскихъ народовъ. „Въ ночь на 24 Іюня, какъ скоро зажгутся Ивановскіе огни, Карпаты, Судеты и Исполиновыя горы представляютъ собою истинно великолѣпное зрѣлище“, говоритъ Аванасевъ (III, 714).

Въ ночь на Ивановъ день, по народному повѣрью, вѣдьмы справляютъ свой праздникъ и стараются въ это время дѣлать усиленно зло людямъ. Хо-

¹⁾ О народныхъ средствахъ врачеванія. Этн. Обзорѣн. т. XXXVIII.

²⁾ „На каждый день“. И. О. Тюменевъ. „Русск. Паломникъ“ 1898 г. стр. 280.

зайки въ Малороссіи предъ наступленіемъ Купальской ночи, въ предохраненіе отъ вѣдьмъ, раскладываютъ по избѣ жгучую крапиву, а у входа въ хлѣвъ ставятъ молодую, вырванную съ корнемъ осину, и, кромѣ того, загоняютъ на ночь телятъ къ коровамъ, чтобы они сосали молоко и не давали доить его вѣдьмамъ. Еще ранѣе крестьяне обходятъ свои поля и осматриваютъ, нѣтъ ли гдѣ на хлѣбѣ „завитковъ“, которые завиваются въ этотъ день злыми людьми на пагубу скоту и человѣку. Эти „завитки“ или „завивки“ дѣлаются съ наговоромъ, при чемъ завивающій, захвативъ въ каждую руку по нѣскольку стеблей ржи или пшеницы, связываетъ ихъ верхушки особымъ узломъ и втыкаетъ колосья въ землю. Такая „завивка“ считается сама по себѣ на столько вредною, что развязать ее или вырвать связанные стебли—дѣло очень опасное, и для этого, обыкновенно, призывается знахарь. Въ средней Россіи эти завивки извѣстны подъ названіемъ „заломовъ“. Вырывъ заломъ, знахарь, обыкновенно, сожигаетъ его.

Въ Вилейскомъ уѣздѣ, Минской губ., крестьяне вѣрятъ, что въ Купальскую ночь вѣдьма не можетъ удержаться, чтобы не попросить чегонибудь у когонибудь изъ сосѣдей, преимущественно огня, спичекъ и т. п. Въ Слуцкомъ уѣздѣ, той же губерніи, наканунѣ Ивана Купалы крестьяне всюду по полямъ втыкаютъ осиновыя вѣточки для того, чтобы вѣдьмы не отнимали отъ хлѣба „споръ“ (т. е. урожай). Тамъ же въ щели хлѣвовъ и домовъ на эту ночь кладутъ особый родъ мелкой крапивы, называемой „жижка“. Траву, собранную наканунѣ Иванова дня, многіе изъ Бѣлоруссовъ относятъ въ церковь, гдѣ и святятъ ее. Такая трава извѣстна подъ названіемъ „Святоянскаго зелья“. Она считается полезной и отъ болѣзней, и отъ чаръ. Въ Бѣлоруссіи вѣрятъ, что вѣдьмы въ ночь на Ивановъ день лишаютъ коровъ молока, поя ихъ роскою съ огорода, но стоитъ только хозяйкѣ прокипятить въ горшкѣ пѣдилку съ „Святоянскимъ зельемъ“, какъ чаровницѣ сдѣлается плохо, и она непременно явится за какоюнибудь вещью изъ домашняго хозяйства, но ей отнюдь ничего не слѣдуетъ давать и даже надо строго слѣдить, чтобы она не подняла чегонибудь съ полу, хотя бы щепки и не унесла изъ дома. Если ей придется уйти съ пустыми руками, она непременно зачахнетъ. Тамъ же есть вѣрованіе, что въ Ивановъ день змѣя „мѣдяница“, которая обыкновенно слѣпа, получаетъ на цѣлыя сутки способность видѣть. Въ этотъ день встрѣча съ нею крайне опасна, такъ какъ мѣдяница стрѣлою бросается на человѣка и пробиваетъ его насквозь. По Великокорусскому повѣрью у вѣдьмъ постоянно хранится вода, вскипяченная съ пепломъ купальскаго костра. Когда вѣдьма вздумаетъ летѣть, то она обрызгиваетъ себя этою водою и летитъ, куда ей вздумается. (Афанасьевъ, III, 453).

Обрядъ зажиганія Купальскаго костра совершается въ Бѣлоруссіи такимъ образомъ. Молодежь выбираетъ распорядителя или, по мѣстному, „урядника“, и подъ вечеръ собирается къ нему во дворъ. Сначала, по распоряженію урядника, сносятъ со всей деревни всякую ветошь: старые сапоги, тряпки, лапти, изношенную одежду и т. п. Затѣмъ приводятъ отъ одного изъ хозяевъ лошадь,

обыкновенно, старую клячу, отъ другого катать колеса, отъ третьяго несутъ оглобли и, такимъ образомъ, устраиваютъ сборную телѣгу, на которой вывозятъ собранный хламъ на поле, сваливаютъ его въ одну большую груду и оставляютъ въ полѣ до наступленія ночи. Отправляясь на игрище, рвутъ траву полынь и ею подпоясываются. Затѣмъ берутся за руки и выходятъ на поле съ пѣснями. Вокругъ костра втыкаютъ срубленные зеленныя деревца и, послѣ того, какъ костеръ подоженъ, размѣщаются вокругъ огня, угощаются, поютъ и пляшутъ. Затѣмъ, когда пламя костра разгорѣлось, урядникъ отдѣляетъ хлопцевъ отъ дѣвушекъ и ставитъ ихъ по обѣ стороны костра. Начинается прыганье черезъ огонь. Сначала прыгаютъ дѣвушки, а, затѣмъ парни. Дѣвушка, не перескочившая черезъ пламя, получаетъ названіе „вѣдьма“. Но тутъ же появляется и другая „вѣдьма“—самая старая изъ старухъ. Она подкрадывается къ костру, чтобы донести часть огня; но молодежь стережетъ ее, и лишь только „вѣдьма“ возьметъ огонь, ее гонятъ прочь, ударяя полынью, пока она совсѣмъ не скроется съ игрища.

Въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи вѣдму знаменуетъ отысканная заранее лошадиная или коровья голова, которую сжигаютъ на кострѣ. Крестьяне увѣрены, что какъ только олицетворяемая головою вѣдьма попадетъ въ огонь, на выручку ей явятся ея подруги и стараются разбросать уголья изъ костра. Поэтому, всѣ отскакивающіе во время горѣнія костра угольки тщательно собираются, и снова кидаютъ ихъ въ огонь.

Въ средней Россіи молодежь точно также прыгаетъ черезъ костеръ, но большею частію парами, при чемъ парень и дѣвушки стараются какъ можно крѣпче держать другъ друга за руку, потому что если во время прыжка ихъ руки разорвутся, то они теряютъ надежду, чтобы свадьба ихъ когда нибудь состоялась.

Въ югозападной Россіи необходимую принадлежность купальскихъ игрищъ составляетъ такъ называемая „Марѣна“, которая готовится слѣдующимъ образомъ.

1. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ праздникъ Купалы, еще до восхода солнца, дѣвицы выбираютъ палку, надѣваютъ на нее вѣникъ, выбѣгаютъ съ этой палкой на улицу и принимаютъ различныя насмѣшки надъ паробками въ родѣ слѣдующей:

Купайла-Ивана!
 Сучка въ борщъ упала
 Хлопци вытягали,
 Зубы поломали.
 Дивчата граблями,
 А хлопци зубами.
 Дивчата палками,
 А хлопци руками и т. д.

Парни, услышавъ эти насмѣшки, подкрадываются къ дѣвицамъ, нападаютъ на нихъ, отнимаютъ у нихъ палку съ вѣникомъ, вѣникъ разрываютъ на куски, а палку переламываютъ и все это разбрасываютъ по улицѣ; или же сами берутъ палку съ вѣникомъ и, въ свою очередь, подсмѣиваются такимъ же образомъ надъ дивчатами. Послѣ обѣда дивчата, нарвавъ цвѣтовъ и сдѣлавъ изъ нихъ вѣнки для себя, дѣлаютъ изъ соломы чучело и, насадивъ его на палку, поручаютъ четыремъ дѣвицамъ нести его въ назначенное мѣсто. Эти четыре дѣвицы поднимаютъ чучело и несутъ, а остальные скачутъ около нихъ и поютъ пѣсни; когда же придутъ въ назначенное мѣсто, вбиваютъ палку съ чучеломъ въ землю такъ, чтобы чучело касалось земли, потомъ берутся за руки, становятся въ кружокъ и поютъ пѣсни. Наконецъ, являются парни, отнимаютъ чучело, разрываютъ его на куски и разбрасываютъ по полю или бросаютъ въ воду. Въ другихъ мѣстахъ „марёну“ дѣлаютъ изъ крапивы и, взявшись за руки, прыгаютъ черезъ нее, напѣвая пѣсни, но парни рѣдко мѣшаютъ имъ въ этомъ. Берутъ вѣтвь какого либо фруктоваго дерева, имѣющую три длинныхъ сучка, убираютъ ее вѣнками, монистами, цвѣтами и лентами, кладутъ на голову одной дѣвушкѣ большой вѣнокъ и поручаютъ ей нести марёну за деревню, на какой либо избранный заранѣе холмикъ. Остальныя дѣвицы идутъ за нею съ пѣснями. Пришедши на мѣсто, дѣвицы насыпаютъ кучу желтаго песку, втыкаютъ въ нею марёну, составляютъ свой кружокъ и также скачутъ и поютъ пѣсни. Тогда являются паробки и отнимаютъ у нихъ марёну. Дѣвушки дѣлаютъ новую марёну, но нерѣдко и эту отнимаютъ у нихъ паробки, такъ что имъ приходится въ день потерять нѣсколько марёнъ. Нужно при этомъ замѣтить, что хотя дивчата и отстаиваютъ марёну отъ парней, но никогда не бранятся съ ними, а скорѣе насмѣхаются надъ ними, говоря, что парни обманулись, отняли не любую ихъ марёну, а сдѣланную нарочно для того, чтобы обмануть парней. Когда начинается вечерѣть, дивчата собираются на условленное мѣсто и втыкаютъ въ нарочно приготовленную насыпь „вильце“, т. е. небольшую сосну, убранную разными цвѣтами и, взявшись за руки, ходятъ вокругъ нея съ пѣснями. Въ заключеніе всего дивчата съ торжествомъ несутъ „вильце“ на рѣку, и нѣкоторыя изъ нихъ остаются послѣ этого вблизи рѣки, въ скрытомъ мѣстѣ, чтобы увидѣть, какъ вѣдьма будетъ срывать верхушку „вильца“. Рассказываютъ, что однажды паробки, проводивъ подобнымъ образомъ „вильце“ въ рѣку, отошли въ сторону и заснули. Проснувшись передъ пѣтухами, они увидѣли прекрасно освѣщенное и убранное „вильце“, вблизи его фазгонъ, запряженный четверкою прекрасныхъ коней и четырехъ панночекъ, которыя, взявшись за руки, ходили вокругъ „вильца“ и пѣли пѣсни.

Ставятъ также дерево, обвѣшанное разными тряпками и окутанное эпанчею. Вокругъ его молодежь, взявшись за руки, пляшетъ. Въ заключеніе чучело разрывается на части. Кому достанется хоть малѣйшая частичка лохмотьевъ чучелы, тотъ, по народному повѣрью, будетъ счастливъ въ теченіе цѣлаго года. По рассказамъ сторожиловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уборъ куклы-купалы былъ гораздо богаче и празднество было затѣйливѣе. Въ давнія времена, по этимъ

разсказамъ, куклы купалы приготавливались слѣдующимъ образомъ: брали большую вѣтку какого либо дерева, надѣвали на него женскую одежду, и передъ этою куклою зажигали восковую свѣчу. Затѣмъ, взявшись за руки, ходили вокругъ куклы и пѣли:

Зійди, сонечко, на Ивана,
 Стогови земля пидь Купаломь!
 О, ты наше жгтя,
 Прійми насъ пидь свое наврытя!

Но такое, чисто уже языческое, празднованіе, по тѣмъ же разсказамъ, было отмѣнено по слѣдующему случаю. Однажды, когда праздновали Купалу, невидимая сила сорвала приготовленную куклу и утащила въ воду, гдѣ пропали и дорогія вещи, которыми она была убрана. Это не образумило, или лучше сказать, не испугало молодежи: она продолжала убирать подобную куклу. Въ другой разъ въ праздникъ Купала таже невидимая сила скрутила голову одной дѣвушкѣ, считавшейся первой красавицей на деревнѣ и первой зачинщицей празднованія Купалѣ. Вслѣдствіе этого приключенія празднованіе Купалѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ было оставляемо, а затѣмъ, хотя и восстановлено, но уже въ другомъ видѣ: вмѣсто куклы стали брать обыкновенную вѣтку дерева, убирать ее цвѣтами и пѣть при этомъ пѣсни. Вышеприведенная пѣсня уже совершенно измѣнилась по своему смыслу.

Стали пѣть:

Сходило сонечко на Ивана,
 Стогонила земля до Купала.
 О ты, мое дитя,
 Визьми Ивана пидь свое накрытя.

При послѣднихъ словахъ прискакиваетъ на лошади паробокъ, отнимаетъ у дивчаты вѣтку и беретъ ее подъ свое „накрытя“ т. е. покровительство.

Не смотря на разнообразіе способовъ приготовленія марёны или „вильца“, въ большинствѣ ихъ подразумѣваются похищеніе марёны паробками, разрываніе ея и бросаніе въ воду. При послѣднемъ дѣйствіи дивчата причитають:

Утонула Марёночка, утонула
 Та не верхъ кисонька зринула...

На возвратномъ пути домой дивчата поють про несчастную долю какой-то Ганна, которая, по всѣмъ признакамъ, есть та же марёна, утонувшая въ водѣ.

Якъ пішла Ганна въ Дунай по воду,
 И ступила Ганна на хитку кладку
 Ганна моя, панна,
 Ягода червонна!
 Кладка схитнулася,
 Ганна втонула.
 Якъ потопала, тричи срнала.

Ганна моя панна,
 Ягода червонна!
 Ганнина мати громаду сбирала,
 Громаду сбирала, уснмъ заказала.
 Ганна моя панна и т. д.
 Не берите, людіе, у Дунаі сомівъ.
 У Дунаі шуки—Ганнины руки.
 Не ломайте, людіе, по лугамъ калины,
 По лугамъ калина—Ганнина краса.
 Не рвите, людіе, по лугамъ тёрну.
 У лузи терень—Ганнины очи.
 Не косите, людіе, по лугамъ травы
 По лугамъ трава—Ганнина коса.
 Ганна моя панна,
 Ягода червонна!¹⁾

Въ Кременецкомъ уѣздѣ, Волынской губ. Купало или Купайло олицетворяется одною изъ деревенскихъ же дѣвушекъ. Ее подводятъ къ ямѣ, въ которую положены частію свѣжіе, частію старые, завядшіе вѣнки. „Купайлѣ“ завязываютъ глаза, сажаютъ ее въ яму, и сами начинаютъ кружиться около нея. „Купайла“ беретъ вѣнки и подаетъ ихъ подругамъ, не видя той, которой подаетъ и, если кому достанется вѣнокъ свѣжій, то онъ предвѣщаетъ богатство и счастье въ замужествѣ, а засохшій вѣнокъ служитъ предзнаменованіемъ бѣдности и несчастія. Гаданье на вѣнкахъ видоизмѣняется и такимъ образомъ: сдѣлавъ новый вѣнокъ, каждая дѣвушка прикрѣпляетъ къ нему восковую свѣчу, и, затепливъ огонекъ, пускаетъ вѣнокъ на рѣку. Чей вѣнокъ погаснетъ раньше, та дѣвушка и умретъ раньше другихъ.

Для многихъ ночь на Ивана Купалу важна и въ другомъ отношеніи: въ эту ночь добываются различныя чудодѣйственныя травы, достать которыя въ другое время нельзя. „Есть трава Архангель, читаемъ мы въ одномъ народномъ Цвѣтникѣ, собою мала, на сторонахъ по девяти листовъ, тонки, въ стрѣлу, четыре цвѣта: червленъ, багровъ, зеленъ, синь. Та трава весьма добра; кто ее роетъ на Иванъ-день сквозь златую или серебряную гривну²⁾, и ту траву носить, и тотъ человекъ не убоится діавола; аще на судъ пойдетъ, одолѣетъ супротивника, и цари и князи любятъ его и всякіе люди. А корень ся добръ. О Купальницѣ до солнечнаго восхода встань и будь чистъ, а конать корень руками безъ дерева, а говоритъ „Господи помилуй“ сто разъ, а потомъ: „Аминь“. А вынешь изъ земли, перекрестись, а взять тремя персты правыя руки, да лѣвыя одинъ большой и поцѣлуй траву трижды, а корень ея обвей златомъ или атласомъ или камчатнымъ лоскутомъ и держи въ дому твоёмъ, на путь ее съ собою емли и на судъ, и на войну, и въ пиръ, и отъ вѣдуновъ не будешь испорченъ“.

¹⁾ „О народныхъ праздникахъ въ югозападной Россіи“. Труды Кіевской Духовной Академіи 1871 г. т. 3—4.

²⁾ Т. е. срѣзать эту траву нужно серебряною или золотою гривною.

По народному вѣрованію только въ купальскую ночь можно достать и траву Араратъ. Трава эта кромѣ магической силы служить еще ключемъ къ отысканію чудесныхъ травъ. Она имѣетъ вышины 12 вершковъ и толщиною въ палецъ. Добываютъ ее такимъ образомъ: увидѣвъ траву, должно вырѣзать ножомъ противъ солнца кружокъ земли, въ которомъ заключается ея корень. Если поднимешь траву съ кружкомъ земли, не бери: пользы отъ нея не будетъ. Траву находятъ тамъ, гдѣ сошлась рѣка Москва съ Окой*).

Въ купальскую ночь, наконецъ, расцвѣтаетъ, яркочернымъ огненнымъ цвѣтомъ, черный папоротникъ. Этотъ цвѣтъ показываетъ своему обладателю всѣ клады, скрытыя подъ землею. „Есть трава папороть, говорится въ одномъ народномъ Травникѣ, растетъ въ лѣсахъ, около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ, въ лугахъ. А цвѣтетъ она наканунѣ Иванова дня въ полночь, однимъ часомъ отцвѣтаетъ, а цвѣтетъ точно какъ огонь горитъ или пылаетъ. Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хочетъ богатъ или мудръ быти. А братъ тотъ цвѣтъ не просто, съ надобностями, а именно: взять въ Васильевъ вечеръ первѣ лучины огарокъ, чтобы онъ съ обоихъ концовъ обожженъ былъ, да на Свѣтлое Воскресенье воску огарокъ отъ тое свѣчи, которую попъ въ рукахъ со крестомъ носить и кадитъ людей, да отъ запрестольной Божіей Матери образа воску или огарокъ свѣчи. Придя въ Иванову ночь къ тому мѣсту, гдѣ растетъ трава папороть, надо очертиться онимъ огаркомъ (лучины), а подъ траву постлатъ бумаги чистой или полотна бѣлаго чистаго и, очертясь кругомъ говорить: „таланъ Божій, судъ Твой, да воскреснетъ Богъ“. Бываютъ тогда великіе страхи, что уму человѣческому непостижимо. Цвѣтъ ея, когда отцвѣтеть, осыплется на то, что послано, и ты тотъ цвѣтъ смети перышкомъ въ одно мѣсто бережно и залѣпи вышенисаннмъ воскомъ въ перѣ: тотъ цвѣтъ завсегда цѣлъ будетъ. А когда цвѣтъ братъ станешь, тогда увидишь воду и всякіе страхи, не кричи и назадъ не гляди, и не говори имъ, только молитву твори: „Да воскреснетъ Богъ“ и прочія молитвы; а если противъ ихъ молвишь, то несносно пагубою, злою смертію пострадешь. Изъ черты не выступай и руки не подавай. А сія трава самая наисильнѣйшая надъ кладами, царь надъ травами—трава папороть“.

Въ Малороссіи для добыванія цвѣта папоротника поступаютъ такимъ образомъ. Подойдя къ папоротнику, слѣдуетъ очертить около себя кругъ освященнымъ мѣломъ. Посрединѣ этого круга разстилается рушникъ (полотенцо), и садятся на него, держа въ рукахъ крестъ и ножъ. Какъ только папоротникъ зацвѣтетъ, нужно въ ту же минуту подрѣзать кожу на мизинцѣ лѣвой руки и спрятать туда цвѣтокъ. Пока цвѣтъ не спрятанъ подъ кожу, нечистая сила поднимаетъ страшный шумъ, крики и хохотъ, чтобы напугать человѣка; но въ это время должно спокойно оставаться въ кругѣ и поскорѣе спрятать цвѣтокъ. Какъ только это будетъ сдѣлано, шумъ утихнетъ, страхи исчезнутъ, но выходить изъ круга ранѣе вторыхъ пѣтуховъ все таки не слѣдуетъ, потому что

*) Этнографическое Обзорѣніе, XXVI кн.

нечистые до наступленія утра будутъ употреблять разныя средства какъ бы выманить у человѣка завѣтный цвѣтокъ. Рассказываютъ слѣдующій случай: одинъ смѣлый человѣкъ, принявъ всѣ вышесказанныя предосторожности, дождался цвѣта папоротника, сорвалъ его, спряталъ въ шапку и сталъ ожидать вторыхъ пѣтуховъ. Слышитъ онъ, какъ запѣли первые пѣтухи и за нимъ вторые. Онъ вышелъ изъ круга и пошелъ домой. По дорогѣ встрѣчается ему мировой съ мужиками и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Мужики говорятъ крестьянину, чтобы онъ снялъ шапку передъ паномъ. Но лишь только шапка была снята, какъ все исчезло, и шапка оказалась пустою.

Въ Бѣлороссіи существуетъ рассказъ объ одномъ работникѣ, который былъ посланъ отыскивать въ лѣсу хозяйскихъ коней. Проходя мимо цвѣтущаго папоротника, онъ нечаянно задѣлъ его ногою, и цвѣтокъ сорвавшись упалъ ему въ ланоть. Тотчасъ же работникъ сдѣлался всезнающимъ: онъ увидалъ, куда зашли лошади, узналъ, гдѣ лежатъ клады, ему стало извѣстно, кого испортила знахарка и чѣмъ можно помочь испорченнымъ. Но лишь только пришелъ онъ домой и снялъ лапти, знанія его какъ не бывало.

Вообще, рассказы о добытомъ цвѣткѣ папоротника большею частію оканчиваются его потерей, а между тѣмъ сила этому цвѣтку приписывается великая. Въ одномъ Травникѣ говорится по этому поводу слѣдующее: „Все узнаешь, что гдѣ есть или лежитъ или дѣлается, и какъ, куда, и въ коемъ мѣстѣ; просто сказать—все будешь знать, хотя и въ чужіе города и иныя государства дороги и пропуски. Тотъ цвѣтъ положи въ ротъ за щеку и поди куда хошь, никто не увидитъ, что хошь дѣлай! Если спать станешь, то въ головы поставь, то никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ, никакой воръ и разбойникъ; понеже кругомъ около тебя великая бѣда будетъ что озеро, а ты на островѣ будешь. Станутъ тотъ цвѣтъ нечистые духи у тебя торговать, и ты имъ скажи: „не продаю!“ А если продать, то проси у нихъ съ начальнѣйшаго князя колпакъ, въ которомъ камни драгоценные и если они его дадутъ, вельми славенъ и хитръ, и храбръ, и богатъ, и знатенъ будешь“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи вѣрятъ, что если взять „коржана“, т. е. летучую мышъ, въ Ивановскую полночь отнести въ лѣсъ и зарыть въ муравейникъ, то въ слѣдующій Четвергъ на мѣстѣ коржана окажутся вилы и грабли. Тѣ и другія иногда могутъ быть очень полезными для молодыхъ людей: если дотронуться до предмета страсти граблями, то онъ полюбитъ владѣльца грабель, а если дотронуться вилами, то разлюбитъ, хотя бы дотолѣ и страстно любилъ владѣющаго этими средствами...

Таковы, въ общихъ чертахъ, обряды, обычаи и вѣрованія, приурочиваемые нынѣ народомъ къ Иванову дню.

Многочисленность этихъ обрядовъ и обычаевъ, ихъ распространенность служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что это остатки какого-то древняго языческаго праздника, совершавшагося во время лѣтняго солнцестоянія.

Согласно общепринятому нынѣ мнѣнію, это празднество совершалось въ честь поворота солнца съ лѣта на зиму, и съ купальскими обрядами и игрищами соединялась у древнихъ язычниковъ мысль о замираніи плодотворныхъ силъ природы послѣ лѣтняго солнечнаго поворота.

По объясненію Аванасьева, солнце послѣ лѣтняго солнцесостоянія, пускаясь въ зимнюю дорогу, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ свою царственную власть надъ міромъ: дни сокращаются, ночи удлиняются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся природа близится къ старости и увяданію. Въ лѣтніе жары народъ призывалъ бога-громовника погасить пламя солнечныхъ лучей въ разливѣ дождевыхъ потоковъ; но самое это погашеніе должно было напомнить древнему человѣку аналогическія представленія ночи, съ приходомъ которой зимнее свѣтило тонетъ въ волнахъ всемірнаго океана зимы, которая погружаетъ его въ море облаковъ и тумановъ и, наконецъ, смерти, а оно гаситъ огонь жизни. Аванасьевъ III, 724.

Между тѣмъ, не смотря на общераспространенность такого мнѣнія, согласиться съ нимъ едва ли возможно.

Какимъ образомъ могла соединиться у древняго язычника мысль о замираніи природы во время купальскихъ праздниковъ въ то самое время, когда силы природы достигаютъ именно наибольшей своей жизненности, когда солнце, по народному повѣрью, играетъ и пляшетъ на небѣ, когда всѣ растенія разговариваютъ между собою и переходятъ съ мѣста на мѣсто,*) когда зацвѣтаетъ даже никогда не цвѣтущій папортникъ? Какимъ образомъ у грубаго, умственно неразвитаго язычника могла зародиться мысль о зимѣ, когда наступило знойное лѣто, когда для оплодотворенной солнечными лучами земли наступалъ періодъ плодоношенія?.. Трудно, даже и съ очевидной натяжкой, отвѣтить на эти вопросы; трудно, если даже и предположить, что наши предки Славяне жили первоначально въ болѣе теплыхъ странахъ, на берегахъ Дуная. И тамъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ Іюнѣ природа ничѣмъ еще не напоминаетъ зимы, а напротивъ, находится въ полномъ расцвѣтѣ. Если же это такъ, то и древніе купальскіе обряды и игрища имѣли иное значеніе. Не мысль о замираніи природы соединялась съ купальскими празднествами и игрищами, не проводы лѣта представляли они; напротивъ, съ ними соеди-

*) Вышеприведенныя народныя повѣрья въ настоящее время во многихъ мѣстахъ приурочиваются къ празднику Св. Пасхи, но въ старину они связывались со днемъ Ивана Купалы. „Грае (играетъ) сонечко на Ивана“, говорится въ одной старинной купальской пѣснѣ (Труды Киев. Дух. Ак. 1871 г. т. 4, стр. 342). Въ „Вечери Духовной“, сочиненной іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ, говорится, что въ павечеріе Иванова дня нѣкоторые „доходятъ до такого безумія, что и касательно великаго небеснаго свѣтила суетврствуютъ въ тотъ день такимъ образомъ: не спятъ всю ночь въ ожиданіи восхода солнца, съ тѣмъ, чтобы, увидѣвши его, рассказывать, какъ оно играетъ, скачетъ съ мѣста на мѣсто и принимаетъ на себя различныя цвѣта“ (Руководство для Сельскаго пастыря 1860 г., т. I. стр. 227). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вышеприведенное повѣрье народъ и въ настоящее время приурочиваетъ не къ Пасхѣ, но къ Иванову дню.

нялась мысль о полномъ и совершенномъ торжествѣ свѣта надъ тьмою, тепла надъ холодомъ, о полномъ утвержденіи свѣтлыми богами своего благодатнаго царства; съ этими празднествами соединялась мысль о свадебномъ союзѣ возмужавшаго Солнца съ Зарюю.

Подтвержденіе высказаннаго нами находимъ въ купальскихъ обрядахъ и пѣсняхъ. Такъ, въ одной купальской пѣснѣ говорится, что стояла верба, и на вербѣ горѣли свѣчи.

Съ той вербы капля упала—
Озеро стало.
Въ озерѣ самъ богъ купався,
Съ дѣтками судитками.*)

Въ другой купальской пѣснѣ передается и объ исходѣ этого купанья:
Купала на Ивана!
Купався Иванъ
Тай въ воду упавъ¹⁾.

Что же это былъ за богъ, купавшійся въ озерѣ съ дѣтками-судитками? На это указываетъ, повидимому, слѣдующая купальская пѣсня:

Черезъ наше село везено дерево,
Ой воно въ неділю рано,
Изъ моря далеко.
Изъ того дерева зроблена церковка,
А въ той церковці чотири віконця:
Перво віконце—Василько, якъ сонце.
Друге віконце—Иванька, якъ сонце.
Третє віконце—Павличка, якъ сонце.
Четверто віконце—Налійко, якъ сонце.

Подъ окнами же въ небесномъ храмѣ, по мнѣнію г. Аванасьева, разумѣются свѣтила дня и ночи (I, 161). Основываясь на словахъ вышеприведенной купальской пѣсни, нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ купавшемся богѣ бога Свѣтовита—верховное божество, возвышавшееся надъ всѣми богами Славянъ. Дѣтки-судитки, подчиненныя ему божества свѣта: солнце, мѣсяць, заря. (Аванасьевъ I, 133, 134).

Въ купальскихъ пѣсняхъ Свѣтовитъ этотъ чаще всего встрѣчается подъ именемъ Ивася-Ивана. Такъ какъ всякое божество у нашихъ предковъ-язычниковъ имѣло свою божественную супругу, то не обошелся безъ нея и Свѣтовитъ, замѣненный въ позднѣйшую пору Иваномъ-Купаломъ. Народное воображеніе поставляетъ Ивана Купалу въ связи съ женскимъ существомъ, представляемымъ подъ именами то Марьи, то Ганны, то Аграфены Купальницы, то какой-то Татьяны.

*) Аванасьевъ II, 477.

¹⁾ Старосвѣтскіе бандуристы Закревскаго № 19. стр. 25.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей мнѣ о купаніи бога въ озерѣ знаменуетъ собою купанье Свѣтовита съ его семействомъ въ волнахъ воздушнаго океана и его переправу черезъ этотъ океанъ въ загробный міръ зимы и смерти, переправу, начинающуюся во время купальскихъ празднествъ.

Доступно ли было такое возвышенное представленіе воображенію грубаго, чувственнаго язычника? Конечно нѣтъ. Мы знаемъ, что большинство Славянъ-язычниковъ не dorостало даже и до вѣрованія въ единое Верховное Существо, правящее міромъ; большинству ихъ не былъ извѣстенъ и Свѣтовитъ. Между тѣмъ мнѣ о купаніи бога въ озерѣ можетъ быть объясненъ слѣдующимъ образомъ: Богъ, купавшійся въ озерѣ, это солнце, божество Славянъ. Въ купальской пѣснѣ мы находимъ прямое указаніе на это:

Ой за гаемъ, за Дунаемъ,
Тамъ Ивасю конемъ *грав*
Зъ підъ Ивасця *сідю сяв* (сіяеть) и т. д.
Коло воды-моря ходили дівочки,
Коло Мареночки Купало!
Грае сонечко
На Ивана. (Аванасевъ, II, 474).

Припомнимъ, наконецъ, что на Купалу, по народному повѣрью, солнце *играетъ* и пляшетъ на небѣ.

Какъ всевидящее око, озирающее небо и землю, солнце знаетъ все явное и сокровенное, что только совершается въ мірѣ. Въ силу такого воззрѣнія у народа сочеталась съ понятіемъ о солнцѣ идея праведнаго суда Божія. Въ одной Чешской сказкѣ солнце называется Дѣдомъ-Всеѣдомъ. Въ той же сказкѣ въ матери солнцу дана пряха—*судница*, которая вечеромъ принимаетъ его на Западъ и успокаиваетъ на своихъ колѣняхъ. По утру солнце пробуждается отъ сна, прощается съ матерью и вылетаетъ восточнымъ окномъ на свое дневное странствованіе. На Руси уцѣлѣла поговорка: „дожидайся солнечевой матери Божья Суда:* (Аванасевъ, II, 475, 476;)

Нѣтъ сомнѣнія, что мать солнца—пряха *судница*, это заря. По утру солнце рождается отъ нея, а вечеромъ она снова принимаетъ его въ свои объятія. *Дятки-судитки, поэтому, будутъ второстепенныя свѣтила, мѣсяць и звѣзды.*

Судьба человѣка, по народнымъ вѣрованіямъ, тѣсно связана съ этими свѣтилами, отъ которыхъ зависитъ и погода (множество примѣтъ по мѣсяцу и звѣздамъ о погодѣ), и урожай. а слѣдовательно и земное благополучіе человѣка, и сама жизнь его. По народнымъ вѣрованіямъ, каждый человѣкъ имѣетъ на небѣ свою звѣзду. Когда приходитъ время умирать, звѣзда эта падаетъ съ неба. Согласно съ вышеприведенными вѣрованіями, народъ и обращается съ запросами о своей судьбѣ къ свѣтиламъ небеснымъ къ дѣткамъ-судиткамъ.

*) т. III, 387. 389—390.

Такое обращеніе представляет собою цѣлый кругъ народныхъ гаданій. Такъ, наприм. наводятъ зеркало на мѣсяцъ и по отраженію его стараются узнать, сколько у гадающей будетъ дѣтей¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наканунѣ сочельника, когда оканчиваются святочные гаданья, дѣвушки съ послѣднимъ заключительнымъ гаданьемъ обращаются къ звѣздамъ. Съ наступленіемъ ночи наканунѣ крещенскаго сочельника дѣвушки выходятъ изъ избы на дворъ. Старшая изъ нихъ несетъ впереди пирогъ, какъ бы въ даръ звѣздамъ, а остальные, стоя позади ея, скороговоркой произносятъ: „Ай, звѣзды, звѣзды, звѣздочки! Всѣ вы звѣзды одной матушки, бѣлорумяны вы и дородливы. Засылайте сватей по міру крещеному, состряпайте свадебку для міра крещенаго, для пира гостиннаго, для красной дѣвицы родимой N N“.

Если созвѣздіе, извѣстное въ народѣ подъ именемъ Стожаръ, придется съ правой стороны, то святочные гаданья всѣ непременно сбудутся въ благопріятномъ смыслѣ; если же впереди ихъ на небѣ придется линія звѣздъ на Млечномъ пути, называемая Дѣвичьими зорями, то отвѣтъ звѣздъ считается неблагопріятнымъ, всѣ гаданія святочные недѣйствительными, и гадалщицамъ придется еще годъ просидѣть въ дѣвицахъ.

Относительно мѣсяца народъ замѣчаетъ такъ: если увидѣтъ молодой мѣсяцъ съ правой стороны, то въ теченіи всего мѣсяца для человѣка будетъ удача; если увидѣтъ съ лѣвой—наоборотъ. Таинственное вліяніе небесныхъ свѣтилъ, „дѣтокъ-судитокъ“ на судьбу человѣка отразилось и въ народныхъ заговорахъ. Въ заговорахъ отъ зубной боли обращаются къ мѣсяцу, въ заговорахъ отъ родимца—къ зарѣ („Утренняя заря Парасковья, заря-зарница, молодая вдовица, уйми отъ младенца NN крикъ и дай младенцу сонъ. Вечерняя заря Соломоinea, заря-зарница красная дѣвица, уйми отъ младенца NN крикъ и дай младенцу сонъ“²⁾). Во многихъ заговорахъ встрѣчается такое выраженіе: „Подпояшусь я рабъ Божій NN красною зарею, посыплюсь частыми звѣздами“.

Такимъ образомъ мы думаемъ, что богъ купающійся въ озерѣ съ дѣтками-судитками есть ничто иное, какъ солнце съ подчиненными ему свѣтилами небесными... Что же означаетъ собою сказаніе о божествѣ, купавшемся въ озерѣ, или о божествѣ упавшемъ въ воду? Миѣ о купаніи солнца зародился, по всей вѣроятности, тогда, когда наши предки-язычники жили на берегахъ большого озера, а можетъ быть и моря, лежавшаго отъ нихъ на Сѣверъ. Это озеро или море или, наконецъ, Дунай упоминается въ большинствѣ купальскихъ пѣсенъ.

Коло воды-моря ходили дѣвочки,
Коло Мареночки—Купало

Или:

Съ той вербы капля упала—
Озеро стало.
Въ озерѣ самъ богъ купався
Съ дитками-судитками и т. д.

¹⁾ Очерки Пошеховья. Этногр. Обзор. кн. XXXIX.

²⁾ „Очерки Пошеховья“ Этн. Обзор. кн. XXXIX.

Или:

Черезъ наше село везено дерево,
Ой воно, воно въ недѣлю рано
Изъ за моря далеко и т. д.

Или же:

Ой за гаемъ, за Дунаемъ
Тамъ Титяна купалася,
На бережку сушилася
По три шляшки дивилася и т. д.

Или наконецъ:

Якъ пишла Ганна въ Дунай по воду
И ступила Ганна на хитву кладку,
Ганна моя панна,
Ягода червонна и т. д.

Самъ „тихий“ Дунай, упоминаемый очень часто въ народныхъ купальскихъ пѣсняхъ, для всѣхъ жителей праваго его берега лежитъ на Сѣверѣ (протекая съ Запада на Востокъ).

Солнце, заходя постоянно подъ землю за горизонтъ или же скрываясь „за лѣса дремучіе“, съ наступленіемъ лѣтняго солнцестоянія должно было скрываться въ это время „не подъ землю“, а „подъ воду“, т. е. въ водное пространство, лежавшее на Сѣверѣ отъ первоначальнаго мѣста жительства нашихъ предковъ.

При первомъ взглядѣ на солнце, уходящее въ воду, у первобытнаго человека должна была родиться мысль о томъ, что солнце „утонуло“. Отсюда и мифъ о какомъ-то божествѣ, купавшемся и утонувшемъ въ озерѣ:

Купала на Ивана!
Купався Иванъ
Тай въ воду упавъ.

Сказаніе это смѣняется, затѣмъ, простымъ сказаніемъ о купаніи божества-солнца, такъ какъ на другой же день язычникъ могъ увидѣть, что солнце не утонуло, что оно живо, что оно, слѣдовательно, только купалось въ зеленыхъ водахъ.

Въ томъ озерѣ
Самъ богъ купався
Съ дѣтками-судитками.

Въ Минской губерніи существуетъ и донинѣ народное повѣрье, что на Купалу солнце „купається“, а на Ивана сушится; видѣть же это могутъ только счастливые люди передъ восходомъ солнца *).

Неудивительно, что, переселяясь съ Юга на Сѣверъ, наши предки язычники-Славяне встрѣчали на своемъ пути по направленію къ Сѣверу множество

*) Живая Старина 1893 г. выпускъ 2-й стр. 284.

рѣкъ, озеръ и рѣчекъ, близъ которыхъ они селились. И постоянно при этомъ, изъ года въ годъ, они наблюдали то явленіе, что ежегодно, когда наступаютъ самыя длинныя дни и самыя короткія ночи, обоготворяемое ими солнце, „купаются“ въ водныхъ пространствахъ, лежащихъ къ Сѣверу. Вмѣстѣ съ солнцемъ погружается въ эти воды и заря, а также мѣсяцъ и звѣзды (дѣтки-судитки солнца); точно также и они „купаются“ въ водахъ.

Правда, есть много и такихъ мѣстностей, гдѣ на горизонтѣ со всѣхъ сторонъ разстилается только безбрежное море травы или „лѣса дремучіе“, но въ такихъ-то мѣстностяхъ всего меньше и сохранилось среди населенія остатковъ древнихъ купальскихъ праздниковъ.

Этимъ вполне подтверждается наше мнѣніе.

Купанье солнца, происходитъ въ періодъ лѣтняго солнцестоянія, въ періодъ его возмужалости, т. е. въ такой періодъ, когда человѣкъ чаще всего вступаетъ въ бракъ. Неудивительно, что и по мнѣнію нашихъ предковъ-язычниковъ, къ этому періоду должно было приурочиваться и бракосочетаніе возмужавшаго солнца. Солнцова мать, заря-зарница, и вступала въ брачный союзъ со своимъ сыномъ солнцемъ.

Такое вѣрованіе отразилось между прочимъ и въ народномъ сказаніи объ Андрѣ Первозванномъ, женившемся на своей матери. Св. Андрей Первозванный, подобно Греческому Эдипу, выросши внѣ родительскаго дома, женился потомъ на своей матери. Это сказаніе извѣстно не только классической древности, но и среднимъ вѣкамъ. Въ положеніи Эдипа во всѣхъ подобныхъ сказаніяхъ является то Іуда-предатель, будто бы убившій отца и женившійся на матери до поступленія своего въ ученики Христовы, то св. Андрей Критскій, то папа Григорій. Новѣсти объ этихъ лицахъ, извѣстныя во всей Европѣ, имѣются и у насъ, какъ въ старинныхъ рукописяхъ (какъ напр. сказаніе объ Іудѣ), такъ и въ видѣ устныхъ разсказовъ, а отчасти и пѣсень. Можно полагать, что сказаніе это существовало и въ Западной Европѣ и у Славянъ независимо отъ Грековъ*). И дѣйствительно, подобныя сказанія существуютъ у насъ въ Россіи безъ всякихъ слѣдовъ заимствованія. Для примѣра укажемъ на слѣдующую пѣсню о кровосмѣшеніи.

Ой, та вдова молода
 Породила два сына.
 Въ корабель вложила,
 На Дунай пустила.
 Ой, ты жовтый писочокъ,
 Корми моихъ диточокъ!
 А ты, дрибенъ дощичокъ,
 Напій моихъ диточокъ!
 А ты клинивъ листочокъ
 Накрый моихъ диточокъ!

*) „Илья Муромецъ и богатырство Кіевское“. О. Миллеръ. 1870 г. стр. 12.

А въ двенадцатомъ году
 Пишла вдова по воду.
 Сталъ корабель приплывати,
 Стала вдова воду брати.
 Сталъ корабель приплывати,
 Сталъ вдовѣ примолвляти:
 — „Ахъ, ты, вдова молода,
 Чи любишь ты Дончика?“
 — „А я Донця люблю
 И за Донця иду...
 А за одного сама йду,
 А за другого дочку отдамъ“...
 — „А я свѣтъ проходиль,
 Нигдѣ того не видалъ,
 Щобъ ридную мать
 Та за жинку взять.
 Ой, щобъ ридная сестра
 Та за брата пошла“.

Мысль о кровосмѣшеніи повторяется и въ купальскихъ пѣсняхъ. Такъ въ одной купальской пѣснѣ разсказывается, что чумакъ, проѣздомъ остановившись въ одной корчмѣ, женился на наймицкѣ-шинкаркѣ. Когда въ Понедѣльникъ послѣ свадьбы они пошли спать,—

Стала дѣвка постіль слать,
 Постіль стеле, хлыстае,
 А винъ ей пытае:
 — „А звіткі міщанка?“
 — „По имени Карпянка“.
 — „А звіткі міщанинъ?“
 — „По имени Карпівъ сынъ“.
 — „Бодай, попы пропали:
 Сестру зъ братомъ звінчали!
 Ходимъ, сестра въ монастырь,
 Нехай намъ Богъ простить!“
 — „Монастырь каже: не прийму,
 А Богъ каже: не прощу!“
 — „Ходимъ, сестра, въ темный лісь—
 Нехай же насъ звѣрь поїсть“...
 — „А лісь каже: не прийму!
 А звѣрь каже, выжену!“
 — „Ходимъ, сестра, въ море,
 Потопимся обое!“
 — „А море каже: не прийму!
 А рыба каже: выкину!“
 — „Ходимъ, сестра, горою
 Разсіємсь по полю.
 Разсіємось по полю
 Шелковою травю.“

Будуть люди зілье рвати
 Сестру зъ братомъ споминати.
 Я зацвіту жовтій цвітъ,
 Ты зацвітешъ синій цвітъ.
 Буде слава на весь світъ.

Таково происхожденіе цвѣтка „Иванъ-да-Марья“.

Въ Алексинскомъ уѣздѣ, на берегахъ Оки, существуетъ слѣдующее преданіе. Неподалеку другъ отъ друга жили два семейства въ любви и согласіи. Въ обѣихъ семьяхъ были „красныя дѣтки“, т. е. сынъ и дочь; каждый изъ юношей горячо любилъ сестру другого и былъ любимъ взаимно, но такой перекрестный бракъ, въ которомъ сестра мужа выходила бы за брата жены, не дозволяется уставами Церкви, и родители ихъ долго раздумывали, устроить ли счастье сына въ одной семьѣ и дочери въ другой или наоборотъ. Однажды, въ Троицынъ день, парни завили вѣнки и бросили ихъ въ воду. Отплывъ отъ берега на небольшое разстояніе, вѣнки стали тонуть. Тогда парни бросились въ воду съ цѣлю спасти тонущіе вѣнки. Но на самомъ дѣлѣ оба они пошли ко дну, вѣнки же сами собою выплыли на верхъ. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, на этомъ мѣстѣ каждый разъ въ Троицынъ день выплываютъ поверхъ воды два вѣнка....

Съ принятіемъ Славянами христіанства св. Андрей замѣнилъ въ народныхъ вѣрованіяхъ Перуна. Было село, передаетъ одинъ народный рассказъ, въ которомъ проживало до тысячи вѣдьмъ; то и дѣло крали онѣ святыя звѣзды и до того довели небо, что нечѣмъ стало свѣтитъ нашему грѣшному міру. Тогда Господь Богъ послалъ святого Андрея (замѣна Перуна-тучегонителя), который ударилъ своею палицею, и все вѣдовское село провалилось сквозь землю“. Въ народныхъ преданіяхъ св. Андрей Первозванный поставляется въ самую тѣсную связь съ Перуномъ. По Кіевскому преданію св. Андрей на Кіевскихъ высотахъ водрузилъ крестъ и предрекъ, что на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія. На этихъ же самыхъ горахъ стоялъ Перунъ, съ нихъ онъ былъ низверженъ, и пророчество с. Андрея исполнилось. Впослѣдствіи, на тѣхъ же самыхъ горахъ построена и церковь во имя св. Андрея Первозваннаго.

Въ Новгородскомъ преданіи о св. Андрѣ Первозванномъ связь эта проглядываетъ еще сильнѣе. По этому сказанію св. апостоль Андрей посѣтилъ Новгородъ и въ благословеніе оставилъ свой крестъ, который „водрузи въ веси, нарицаемой Друзиной“ *). Впослѣдствіи, какъ рассказывается объ этомъ въ рукописномъ житіи Михаила Салоса, былъ построенъ здѣсь храмъ въ честь св. Андрея Первозваннаго. Въ храмъ былъ положенъ и оставленный апостоломъ жезлъ. Въ Новгородѣ и близъ его были ранѣе капища Перуна, замѣстителемъ котораго и является св. Андрей Первозванный. Въ самомъ Друзинѣ или Грузинѣ, по народному преданію, находился теремъ какого-то Новгородскаго князя Перея-Тучи (прямой отголосокъ преданій о Перунѣ-тучегони-

*) Степенная Книга, стр. 7.

телемъ). Сынъ этого Перея-Тучи страдалъ какою-то неизлѣчимою болѣзнию, и для излѣченія его убивали людей. Этого Перея-Тучу и обратилъ, будто бы, въ христіанство св. апостоль Андрей¹⁾.

Даже христіанскому сказанію относительно оставленія св. апостоломъ Андреемъ своего жезла Новгородцамъ существуетъ соотвѣтственное народное сказаніе о Перунѣ. Въ Новгородской лѣтописи читаемъ: „И приде епископъ Іоакимъ и требища разори, и Перуна посѣче, чѣмъ въ великомъ Новгородѣ стоялъ на Перыни и повелѣ вовлещи въ Волховъ... и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: „о горе мнѣ! ахъ! достался немилостивымъ судіямъ симъ!“ И вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловаше сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою на мостъ; его безумніи убивающыя утѣху творять бѣсомъ²⁾. Герберштейнъ передаетъ это преданіе такимъ образомъ: „Въ древности Новгородцы поклонялись и чтили какого-то идола именемъ Перуна, стоявшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ монастырь, прозванный отъ этого идола Перунскимъ (Perunski). Принявъ крещеніе, они стащили его съ мѣста и бросили въ рѣку Волховъ. Говорятъ, что онъ поплылъ противъ теченія, и около моста былъ слышенъ голосъ: „вотъ вамъ, Новгородцы, на память обо мнѣ!“ и что тотчасъ за этими словами была выброшена палка. Даже и нынѣ въ извѣстные дни года бываетъ слышенъ этотъ голосъ Перуна; услышавъ его, тамошніе граждане тотчасъ сбѣгаются и бьютъ другъ друга палками, и отъ того происходитъ такое смятеніе, что начальникъ съ великимъ трудомъ можетъ прекратить его“³⁾.

Очевидно, что и всѣ языческія черты въ народномъ почитаніи св. Андрея суть ничто иное, какъ остатки прежняго почитанія Перуна и Солнца. Какъ божества добрыя, свѣтлыя, раждающія, могли въ понятіяхъ язычниковъ смѣшиваться, и кровосмѣшеніе, приписываемое Солнцу, могло быть перенесено первоначально на Перуна, а затѣмъ и на св. Андрея Первозваннаго.

Но, если, по вѣрованію древняго Славянина-язычника, солнце вступало въ бракъ съ зарею, то когда же всего приличнѣе, всего естественнѣе было происходить солнечной свадьбы, какъ не въ періодъ наибольшаго могущества солнца,—въ періодъ лѣтняго солнцестоянія, когда по ночамъ „заря съ зарею сходится“, т. е. заря свѣтитъ всю ночь, когда и солнце и заря достигаютъ наивысшей степени своего могущества? Купанье солнца по всей вѣроятности, въ представленіи язычника-Славянина явилось однимъ изъ дѣйствій солнечной свадьбы. Свадебное омовеніе извѣстно почти всѣмъ народамъ земного шара. У древнихъ Индусовъ невѣсту наканунѣ свадьбы долженъ былъ мыть одинъ изъ ея родственниковъ⁴⁾. Въ Угорской Руси на утро послѣ первой свадебной

¹⁾ „Село Угодичи“ А. Артынова. М. 1882 г.

²⁾ Новгород. лѣтоп. Полное собр. лѣтоп. т. III, стр. 207.

³⁾ „Записки о Московіи“ бар. Герберштейна. Перев. И. Анонимовъ Спб. 1886 г., стр. 114.

⁴⁾ „Грихья-Сутры, какъ источникъ для исторіи Индо-европейской бытовой культуры“. Д. Кудрявскій. „Живая Старина“, 1896 г. в. 11.

ночи молодые идутъ къ колодцу, гдѣ имъ зачерпываютъ ведро воды. Въ воду въ ведро опускается серебряная монета, и этою водою умываются молодые ¹⁾. Серебряная монета, опускаемая въ ведро, есть несомнѣнно эмблема солнца, купавшагося въ день своей свадьбы въ водахъ. У нашего народа обрядъ омовенія совершается иногда до свадьбы, иногда же послѣ нея. Во всякомъ случаѣ и Русская свадебная баня представляетъ собою остатокъ стариннаго омовенія, сохранившагося у Угровъ, а не есть одно только дѣйствіе чистоплотности.

Значеніе свадебной бани проглядываетъ уже и въ предбанныхъ свадебныхъ пѣсняхъ, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ пѣснями купальскими:

Какъ у нашеѣ паруби (бани)
Трои дырецьи стекольчатые,
Три окошечка косесятые!..
...Какъ и наша тепла паруба
Вожена на красѣ,
Катана на бѣлыхъ коняхъ,
Она поставлена на путѣ
На красивымъ мѣстечкѣ,
На крутомъ красномъ бережкѣ ²⁾.

Сравни:

Церкву ставлять—вівна будуть.
Одно віконце—ясне солнце,
Друге віконце—ясный місяць,
Трете віконце—ясны зерки. (Аванасевъ I, 161).

Припомнимъ въ данномъ случаѣ, что и свадебное омовеніе солнца происходитъ на крутомъ красномъ бережкѣ. Обычай свадебнаго омовенія распространенъ очень широко. У Угровъ участвующие въ свадьбѣ идутъ хоромомъ къ ближайшему потоку или рѣкѣ, гдѣ и происходитъ омовеніе. „Дружба“ наполняетъ ведро, новобрачный кладетъ въ воду серебряную монету, и водою изъ ведра умываются, затѣмъ, всѣ присутствующіе. У Малороссовъ на Украинѣ молодая, пріѣхавъ въ домъ жениха, беретъ ведро и отправляется за водою. У Люблинскихъ Малороссовъ невѣста идетъ съ ведромъ за водою вмѣстѣ со сватомъ. Три раза она выливаетъ воду на землю, а на четвертый приноситъ домой. Тутъ она кропитъ водою всѣхъ участвующихъ на свадьбѣ, а остальное разливаетъ по хатѣ. У Малороссовъ Бѣлскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., невѣста беретъ пирогъ, ручникъ изъ Бѣлаго полотна и въ сопровожденіи брата идетъ за водою. Если колодецъ на чужой землѣ, то кладетъ подарокъ для его хозяина, черпаетъ ведро воды, выливаетъ въ квасъ, а потомъ идетъ снова, зачерпываетъ другое ведро, въ которомъ моются „бояры“. Въ иныхъ мѣстахъ того же края, когда принесутъ въ хату ведро, то молодая часть воды выливаетъ въ „дѣжу“, а остальное отдаетъ „хоронжему“, который, притворяясь пьянымъ, падаетъ и воду разливаетъ по хатѣ. У Бѣлороссовъ Витебской губ.

¹⁾ „Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. „Живая Старина“ 1891 г. в. IV, 131.

²⁾ Жив. Старина 1894 г. стр. 99.

молодой приказываютъ принести воды. Всѣ идутъ къ колодцу, зачерпнутую ею воду постоянно выливаютъ, пока мужъ не вступится за нее и не откупится водкой. У Бѣлорусовъ Слуцкаго уѣзда свать беретъ новое ведро и несетъ его къ колодцу, въ сопровожденіи музыканта, гостей и молодой, которая помогаетъ ему нести. Набравъ воды, молодая обязана повѣсить на коромысло полотенце, а воду всѣ несутъ съ пѣснями и музыкою домой, гдѣ ее и пьютъ. Въ Смоленской губерніи „молодая“ беретъ ведра и въ сопровожденіи свашекъ и родственниковъ отправляется за водою къ ближайшему колодцу, съ музыкою и пѣснями приноситъ ее гостямъ, которые пьютъ воду и даютъ за это деньги. У Великорусовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодые отправляются доставать изъ колодца воду. Въ это время къ колодцу сбѣгаютъ холостые и женатые мужчины, дѣвушки и женщины и выливаютъ изъ бабьи воду до тѣхъ поръ, пока молодая не угоститъ ихъ виномъ. Въ Новгородской губерніи молодую посылаютъ за водою, и всѣ провожаютъ ее до воротъ. Когда она принесетъ воды, то всѣ родные стараются этою водою облить другъ друга три раза; „молодая“ должна сходить за водою три же раза. Въ Вологодской губ. всѣ свадебные гости передъ „столованьемъ“ умываются, получая воду изъ рукъ свахи, а полотенце изъ рукъ молодежи. Каждому умывающемуся молодежи кланяется въ поясъ, а они дарятъ ее деньгами „на мыло“. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ той же губ., гости, умывшись, получаютъ изъ рукъ невесты каждый по рюмкѣ водки и, затѣмъ, цѣлуютъ ее. Этотъ обрядъ называется „мыльное цѣлованіе“*....

Купанье солнца въ водѣ служило однимъ изъ дѣйствій солнечной свадьбы съ зарею. А такъ какъ это купанье совершалось въ земныхъ водахъ, то оно служило въ то же время и видимымъ знакомъ единенія небесныхъ силъ съ землею. Это единеніе призывало къ единенію и всѣхъ людей. По этому-то предположенію, что у нашихъ предковъ, Славянъ-язычниковъ, браки совершались преимущественно около времени или во время купальскихъ празднествъ, является въ данномъ случаѣ очень вѣроятнымъ. Онъ подтверждается и разительнымъ сходствомъ купальскихъ обрядовъ и пѣсенъ съ такими же обрядами и пѣснями народной свадьбы (Укажемъ, напримѣръ, на „омовеніе“, на возжиганіе огня, на деревцо и разрываніе его на части и т. д. и т. д.) Очень можетъ быть, что лѣтописецъ, говоря: „схождахуся на игрища, на плясанія и ту жены себѣ умыкаху, съ нею же кто свѣщашеся“, именно и имѣлъ въ виду купальскія игрища и плясанія.

Но такъ какъ не всѣ могли вступать между собою въ единеніе посредствомъ брачныхъ союзовъ, то по поводу совершившейся солнечной свадьбы въ купальскій праздникъ многіе вступали между собою только въ „побратимство“, „посестримство“ и „кумовство“.

*) Шейнъ. Бѣл. матер. 1890 г., стр. 39, 218, 479, 480. Русск. Нар. Пѣсн. 1870 г. стр. 510. Вѣст. Евр. 1888 г. Ноябрь, 514. Этногр. Обзор. 1892 г. № 2., 229. 1894 г. № 3, 48. Зап. Имп. Русск. Общ. по отд. этногр. т. 17. в. 2. стр. 109. Шейнъ. Русск. Нар. Пѣсн. 1870 г. стр. 487. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Москва 1890 г., стр. 107.

Побратимство и посестрительство, какъ извѣстно, обычай весьма распространенный у всѣхъ южныхъ Славянъ. День, въ который совершается побратимство въ южной Болгаріи, точно опредѣленъ обычаемъ: *день этотъ—день Ивана Купалы*. Заключающіе между собою побратимство имѣютъ при себѣ пучки зеленой ели, къ которымъ привязывается къ каждому золотая или серебряная монета.¹⁾

Остатки древняго обычая „кумиться“ сохранились и до сихъ поръ въ нашемъ народѣ. Въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губ., дѣвушки, желающія покумиться въ „кумитное Воскресенье“ (слѣдующее за Фоминымъ), заплетаютъ на березкѣ вѣнокъ и сквозь этотъ вѣнокъ цѣлуются. Березка эта сохраняется до Троицына дня, послѣ чего ее кидаютъ въ воду.²⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кумятся такъ: завивъ вѣнокъ изъ вѣтвей одной или двухъ пригнутыхъ одна къ другой березъ, дѣвушки кумятся между собою, приговаривая:

Покумимся, кума,
Покумимся;
Чтобы намъ съ тобой не браниться,
Вѣчно дружитья.

Въ это время цѣлуются черезъ вѣнки. Иногда дѣвушки кумятся и съ парнями, цѣлуясь также черезъ вѣнокъ и привѣтствуя другъ друга: „здравствуй, кумъ!“—„здравствуй, кума!“ При кумовствѣ часто мѣняются кольцами (какъ и въ свадебномъ обрядѣ), серьгами и даже крестами (побратимство). Въ Тульской губ. надъ вѣнкомъ при кумовствѣ кладутъ приготовленную заранѣе птичку кукушку или траву кукушкины слезы или же семитскій вѣнокъ. Желающіе покумиться вѣшаютъ свои кресты на согнутыя для вѣнка березы, обходятъ вокругъ него, потомъ цѣлуются черезъ вѣнокъ трижды, мѣняются крестами и кольцами и даютъ обѣщаніе жить въ согласіи, а „кукушку“ или вѣнокъ дѣлятъ на части и хранятъ въ память кумовства. Здѣсь этотъ обрядъ справляется только между женщинами, и мужчины къ нему не допускаются. Въ Калужской губ. кумовство совершается проще: „кукушку“ или вѣнокъ изъ „кукушкиныхъ слезъ“ кладутъ на разостланный по травѣ платокъ, садятся вокругъ него, затѣмъ цѣлуются, мѣняются крестами и оканчиваютъ кумовство угощеніемъ и яичницей. Въ Лихвинскомъ уѣздѣ справляется особый нарядный поѣздъ кумы къ кумѣ, при чемъ кума отправляется въ гости верхомъ на помелѣ. Въ Тульской губ. самую семитскую березку называютъ „кумою“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обѣ кумы прежде обмѣниваются черезъ вѣнокъ яйцами и затѣмъ уже цѣлуются. При кумовствѣ иногда наблюдается правило, по которому одна кума считается старшею, а другая младшею. Чтобы рѣшить вопросъ о старшинствѣ, обѣ свиваютъ свои платки и бросаютъ ихъ вверхъ; чей платокъ взлетитъ выше, та кума и носитъ весь день названіе старшей. Завитые на деревьяхъ вѣнки остаются до Троицына дня. Въ Рязанской губ. желающіе покумиться, плетутъ въ Троицынъ день вѣнки и сквозь вѣнки

¹⁾ Жив. Стар. Вып. I. 1892 г., стр. 37.

²⁾ „Кумитное воскресенье“. Ярослав. Губ. Вѣдом. 1892 г. № 51.

(круглый вѣнокъ—солнце) цѣлуются, послѣ чего вѣнки эти кидаютъ въ воду съ цѣлю узнать свою судьбу¹⁾.

Изъ вышеприведеннаго видно, что обрядъ „кумовства“ стоитъ въ тѣсной связи съ Троицкимъ завиваніемъ вѣнковъ и гаданіемъ по этимъ вѣнкамъ. Между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что гаданіе на вѣнкахъ совершалось первоначально въ день Ивана Купалы въ купальскіе праздники, а затѣмъ оно было перенесено уже на день Св. Троицы. Въ своемъ первоначальномъ чистомъ видѣ оно и до сихъ поръ сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и, между прочимъ въ окрестностяхъ г. Углича, Ярославской губ. Здѣсь оно и донныѣ совершается такимъ образомъ:

При завиваніи вѣнковъ дѣвицы поютъ:

Не завянетъ вѣночекъ
Не разлюбитъ дружочекъ.

Вѣнки остаются завитыми до Троицына дня. Въ Троицынъ день ходятъ „ломать“ вѣнки. Если при этомъ окажется, что чейнибудь вѣнокъ развился, то сбудетъ загаданное. Вѣнокъ, оставшійся безъ измѣненія не общается перемѣны въ жизни. Засохнувшій вѣнокъ означаетъ, что милый разлюбитъ. Словамъ вѣнки, дѣвицы идутъ къ рѣкѣ или пруду; здѣсь вѣнки кидаютъ въ воду: чей вѣнокъ потонетъ, тотъ умретъ въ данномъ году, въ которую сторону поплыветъ вѣнокъ—въ ту сторону и выйдетъ дѣвушка замужъ; вѣнокъ, стоящій неподвижно, не предвѣщаетъ никакой перемѣны въ жизни²⁾. Это гаданье было, очевидно, перенесено на Троицынъ день съ какогонибудь языческаго праздника, такъ какъ Троицынъ день праздникъ христіанскій и притомъ переходный. Нѣтъ сомнѣнія, что гаданье это перенесено было на Троицынъ день съ купальскихъ празднествъ, въ которыхъ совершалось въ старину гаданье посредствомъ вѣнковъ.

Коло воды-моря ходили дѣвочки
Коло Мареночки—
Купало!
Грае сонечко
На Ивана!
Пішли дѣвочки та по ягідкі.
Коло воды-моря ходили дѣвочки
Коло Мареночки—
Купало!
Грае сонечко
На Ивана!
Уже дѣвочки поплели вѣночки.
Коло воды-моря ходили дѣвочки
Коло Мареночки—
Купало!

¹⁾ Жив. Стар. в. IV. 199.

²⁾ Ярослав. Губ. Вѣд. 1892 г. № 40.

Віночки не вянуть, дівочки не плачуть.

Коло воды-моря ходили дівочки

Коло Мареночки—

Купало!

Віночки завяли—дівочки всплакнули.

Коло воды-моря ходили дівочки

Коло Мареночки—

Купало!

Грає сонечко на Івана!

Так описує гаданье на вѣнках старинная купальская пѣсня. Описание это подтверждается и свидѣтельствомъ іеромонаха Симеона Полоцкого: „Иные собирають въ тотъ день (т. е. 24 Іюня) нѣкоторыя травы и по нимъ гадають, имѣя такую вѣру, что если травы расцвѣтуть по истеченіи одной ночи, то загадываемое сбудется благополучно, а если не расцвѣтуть—унывають въ ожиданіи несчастья¹⁾).

Очевидно, что Троицкое гаданье на вѣнках было приурочено первоначально къ купальскимъ игрищамъ. Здѣсь это гаданье имѣло глубокой смыслъ. Круглый вѣнокъ солнца, вѣнокъ погруженный въ воду—купающееся солнце, въ честь котораго и совершались купальскія игрища.

Но если это такъ, если Троицкое гаданье на вѣнках совершалось первоначально въ праздникъ купалы, то очевидно, что въ этотъ праздникъ совершался и единственный съ нимъ обрядъ „кумовства“. Всѣ люди соединялись между собою узами дружбы и любви, празднуя совершившійся брачный союзъ солнца и его омовеніе въ земныхъ водахъ играми, „при звукахъ трубъ, бубновъ, струнной музыки“, „плясаніемъ“, „главами киваніемъ“ и „крикомъ неистовымъ“.

Можно дать объясненіе и тому народному повѣрью, по которому купаться до Іванова дня считается грѣхомъ. Безъ сомнѣнія, грѣхъ осквернить купаньемъ воды, въ которыхъ должно омываться божественное солнце. Но за то, послѣ этого омовенія, купанье дѣлалось не только позволительнымъ, но прямо цѣлебнымъ и, потому, чуть не обязательнымъ, такъ какъ воды, освященные солнцемъ, получали цѣлебную силу, а отъ этихъ водъ и земля достигала наивысшей производительности. Не даромъ въ купальскихъ пѣсняхъ поется:

Иванъ да Марья

На горѣ купались:

Гдѣ Иванъ купався (т. е. солнце)

Берегъ колыхався.

Гдѣ Марья (т. е. заря) купалась

Трава разстилалась....

Выше мы видѣли, что цвѣтокъ „Иванъ да Марья“ по народному вѣрованію есть ничто иное, какъ братъ и сестра вступившія между собою въ кро-

¹⁾ Руководство для сел. наст. 1860 г. т. I. стр. 22.

восмѣшеніе, и указывали на то, что сказаніе объ этомъ есть ничто иное какъ глухой откликъ народнаго вѣрованія о кровосмѣшеніи солнца съ матерью зарю. Естественно, что цвѣтокъ „Иванъ да Марья“ имѣеть въ купальскихъ обрядахъ и вѣрованіяхъ довольно видное значеніе.

Въ день Аграфены Купальницы во многихъ мѣстахъ топятъ баню и парятся вѣниками, въ которые вплетаютъ цвѣты „Иванъ да Марья“. Париться цвѣтомъ „Иванъ да Марья“ считается полезнымъ для здоровья и въ теченіи всего круглаго года. Въ виду вышесказаннаго является вполне естественнымъ и то народное вѣрованіе, по которому въ купальскую ночь вся природа оживаетъ и получаетъ особую силу: деревья передвигаются съ мѣста на мѣсто, животныя и всѣ растенія разговариваютъ между собою, и тотъ только можетъ понимать ихъ, кто имѣеть у себя цвѣтъ папоротника, растенія, цвѣтущаго только въ купальскую ночь. Такъ какъ папоротникъ служить знакомъ молніи, то очевидно и отношеніе рассказовъ о немъ къ солнечнымъ, купальскимъ празднествамъ. (Аѳанасьевъ, II, 376—419).

Въ ночь на Ивана Купалу вѣдьмы пріобрѣтаютъ какое-то особое могущество и стараются сугубо вредить людямъ. Въ эту ночь, по мнѣнію нѣкоторыхъ, онѣ справляютъ свой праздникъ или шабашъ на Лысой горѣ близъ Кіева... Въ видѣ вѣдьмъ первоначально олицетворялись демоническія существа, управлявшія дождевыми тучами. (Аѳанасьевъ, III, 697). Эти существа, закрывая тучами мѣсяцъ и звѣзды, „скрадывали“ ихъ отъ взоровъ первобытнаго чело-вѣка, они причиняли бездождіе или же проливные дожди; они причиняли болѣзни скоту и т. д. Словомъ, они дѣлали все то, что отчасти и теперь, по народному представленію, дѣлаютъ вѣдьмы.

Древнее языческое вѣрованіе о томъ, что тучи управляются особыми существами, отразилось въ слѣдующемъ народномъ повѣрѣѣ, существующемъ среди Славянъ Поддѣбрядскаго округа: всѣ души утопленниковъ, висѣльниковъ и вообще всякаго рода самоубійць, обречены въ наказаніе вѣчно носиться надъ землею и поддерживать черныя тучи. Когда въ тучахъ соберется чрезмѣрное количество воды, и души не въ силахъ удержать эту тяжесть, тогда на землю льется сильный ливень. Въ одной деревнѣ у старика крестьянина Горака были какія-то старинныя книги съ молитвами и заговорами отъ различныхъ болѣзней и напастей. Однажды, когда на деревню надвигалась гроза (это было передъ жатвой), онъ вышелъ въ поле и сталъ читать по своей книгѣ заговоръ, желая предотвратить возможное бѣдствіе; во время чтенія онъ взглянулъ какъ-то на небо и увидѣлъ въ облакахъ свою дочь, которая незадолго до того утопилась; въ то же время на книгу упали три капли крови. Тотчасъ же онъ бросилъ свои книги въ огонь, не желая увеличивать бремя несчастныхъ душъ *).

Будучи сначала облачными женами, вѣдьмы смѣшались, затѣмъ, съ вѣщами женами, низведены были на землю и поставлены въ условія чело-вѣ-

*) Этногр. Обзор. XX ст. 202.

ческой жизни. (Аванасьевъ III, 697). Народъ и различаетъ вѣдьмъ рожденныхъ и ученыхъ. Женщина, желающая сдѣлаться вѣдьмою, должна отречься отъ Христа и записать свою душу дьяволу, записать кровью своего мизинца. Дьяволъ, съ своей стороны, обязывается исполнять малѣйшее желаніе новобранки... Какъ „вѣщія“ жены („колдуньи“, „знахарки“), вѣдьмы въ ночь на Ивана Купалу должны были получать особенное могущество, такъ какъ всѣ цѣлебныя и чудодѣйственныя травы, которыми онѣ пользовались, въ эту ночь получали сугубую силу. Естественно, что и ночь эта являлась для этихъ „вѣщихъ жень“ величайшимъ праздникомъ. Во всѣхъ средствахъ, какія употребляются для того, чтобы или узнать вѣдьму или же предотвратить причиняемый ею вредъ, являются непременно крапива и осина. Какъ то, такъ и другое растеніе посвящалось богу-громовнику. Какъ богъ-громовникъ преслѣдуетъ облачныхъ жень своими молніями, такъ и посвященные ему растенія „крапива“ и „осина“ служатъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для распознаванія вѣдьмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и для предотвращения причиняемаго ими вреда. „Заостренный осиновый колъ, говоритъ Аванасьевъ, получилъ въ глазахъ народа значеніе Перуновой палицы. Его употребляютъ противъ колдуновъ, упырей и вѣдьмъ“ (Аванасьевъ II, 306—307).

Въ тѣсной связи съ вѣрованіемъ о вѣдьмахъ стоитъ и то народное вѣрованіе, по которому въ ночь на Ивана Купалу открываются и дѣлаются видимыми различныя клады. Преданія о кладахъ, по мнѣнію Аванасьева, составляютъ обломки древнихъ сказаній о небесныхъ свѣтилахъ, скрываемыхъ нечистою силою въ темныхъ пещерахъ облаковъ и тумановъ. Съ теченіемъ времени, когда народъ утратилъ живое пониманіе метафорическаго языка, когда мысль уже не угадывала подъ золотомъ и серебромъ блестящихъ свѣтилъ неба, а подъ темными пещерами тучъ, преданія эти низведены были на землю и получили значеніе дѣйствительности.

Купальскія празднества совершались въ честь возмужавшаго солнца, въ честь наступившаго царства свѣта. Но разъ царство свѣта наступило, то и свѣтила небесныя не должны болѣе скрываться въ облакахъ и туманахъ: они выходятъ теперь наружу или, другими словами, „клады“ становятся доступными взору смертныхъ....

Огонь въ купальскихъ празднествахъ издревле имѣлъ весьма видное значеніе. Въ челобитной старца Григорія иконописца, поданной въ 1651 г. царю Алексѣю Михайловичу, читаемъ: „Также и игрища разныя и мерзкія бывають въ началѣ отъ Рождества Христова и до Богоявленія, всенощныя, на коихъ святыхъ нарицають и монастыри дѣлають, и архимандрита, и келаря, и старцевъ нарицають; тамъ же и женокъ, и дѣвокъ много ходять, и тамо дѣвицы дѣвство діаволу отдають. Другое игрище о Троичномъ дне: за городъ на курганы ходять и неподобное творять. Третіе игрище отъ Петрова дня до Ильина дня: на реляхъ вѣшаются и на крутящихъ крутятся: и многихъ діаволь беретъ и деньги тыхъ благословляють при церкви погребати. Тако же и о

рождествѣ Іоанна Предтечи всю ночь бѣсятся, бочки дегтярныя зажигаютъ и съ горъ ватаютъ и вѣники заженные скачутъ“ *)....

И въ настоящее время на Ивановъ день во многихъ мѣстахъ зажигаютъ костры и прыгаютъ черезъ огонь. Парень съ дѣвушкою, взявшись за руки, перепрыгиваютъ черезъ огонь, при чемъ замѣчаютъ, что если во время прыжка руки ихъ не разнимутся, то они вступятъ въ супружество и будутъ счастливы.

Обыкновенный огонь есть символъ огня небеснаго, солнца. Онъ является необходимою принадлежностью всѣхъ празднествъ въ честь солнца. Почти повсемѣстно въ Европѣ до настоящаго времени удержалось обыкновеніе встрѣчать праздникъ Рождества Христова, отправляемый въ пору низшаго солнцестоянія, возжиганіемъ огня. У южныхъ Славянъ наканунѣ Рождества сожигается громадное бревно, носящее названіе „баднякъ“. Въ Галицкой и Малой Руси наблюдаютъ, чтобы на всю ночь на Рождество *горѣлъ огонь* въ хатахъ, мѣсто же южнославянскаго бадняка заступаетъ солома, которую *жгутъ* мѣстами на второй день праздника, мѣстами же въ Новый годъ. Воспоминаніе о сожигавшихся встарину въ дни низшаго солнцестоянія (въ коляду) кострахъ сохранилось въ нѣкоторыхъ Мало и Галицко-русскихъ рождественскихъ пѣсняхъ („колядкахъ“), гдѣ, напримѣръ, упоминается „чудо-чудное *вогне* страшное“, или изображается собраніе святыхъ кругомъ пылающихъ костровъ: „коло тыхъ *огнесъ* же святые“.

Въ Саратовской губерніи, сожигаютъ наканунѣ новаго года на улицѣ огромный ометъ соломы, называемый „Костромой“; въ Курской губерніи наканунѣ Рождества и Крещенія *жгутъ* навозъ на дворѣ. И въ Велико-русскихъ святочныхъ пѣсняхъ сохранилось воспоминаніе о возжиганіи Рождественскихъ костровъ, напримѣръ, по словамъ такой пѣсни въ лѣсахъ дремучихъ „*огни горятъ великіе*“; другая колядка, записанная въ Саратовской губерніи, начинается словами: „за рѣкой *огонь* горитъ“. Въ западной Европѣ преимущественно сохранился обычай сожигать на Рождество, какъ у южныхъ славянъ, бревно, носящее въ различныхъ мѣстахъ разныя названія, напр. во Франціи *Souche de Noel*, *calendeau* и т. п., въ Германіи *Weihnachstblok*, въ Англіи *Jnle sbog*. Въ Швеціи *Sula-brata*, въ Сѣверной Італіи „*arder il cerro*“ (жечь бревно). Словомъ, почти повсемѣстно въ Европѣ, въ обрядахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ пѣсняхъ уцѣлѣли остатки общаго всѣмъ населяющимъ ее народамъ, весьма древняго обычая возжигать огни въ праздники высшаго и низшаго солнцестоянія. Корень этого обычая слѣдуетъ искать въ представленіяхъ и обычаяхъ народовъ древнѣйшаго времени.

По представленію древнихъ Аріевъ, огонь (Агни) низошелъ на землю съ неба въ видѣ молніи. И земному и небесному огню воздавались *божскія почести*. Въ Ведійскихъ гимнахъ огонь именуется повелителемъ вселенной, муд-

*) „Патріархъ Никонъ и его противники“. В. Кантеревъ. М. 1887 г. в. 1. Приложеніе.

рымъ царемъ, также отцомъ, братомъ, сыномъ, другомъ человѣка. Постоянно проявляется здѣсь благотѣльное по отношенію къ человѣку дѣйствіе огня, какъ возносителя жертвоприношеній къ богамъ, какъ разителя враговъ, какъ собирателя семьи у домашняго очага. Святость и чистота огня требовали особенно почтительнаго къ нему отношенія. Съ другой стороны, огню приписывалась очистительная сила: отсюда обрядъ сожиганія мертвыхъ у древнихъ Индусовъ, посредствомъ котораго умершіе очищались при переходѣ въ загробную жизнь.

Такою же очистительную, возрождающую къ новой жизни силу приписывали огню и Семиты, но кромѣ того, они въ небесномъ огнѣ, видѣли источникъ солнечнаго блеска, источникъ грознаго, губительнаго всепожирающаго лѣтнаго зноя и сопряженныхъ съ нимъ засухи и заразы и т. п. и придавали, слѣдовательно, огню не столько благотѣльное, сколько страшное, гнѣвное, яростное и истребляющее значеніе. Въ книгахъ Ветхаго Завѣта неоднократно находятъ себѣ выраженіе такое представленіе огненной стихіи, неоднократно рисуется ослѣпительная картина области небснаго огня, гдѣ въ грозной славѣ и величіи царитъ Владыка вселенной, карающій и сокрушающій пламенемъ, ниспосылаемымъ имъ съ неба. Пророкъ Даніиль въ видѣніи своемъ видѣлъ „Ветхаго днями“, возсѣдающимъ на престолѣ, который былъ, „какъ пламя огня“. „Отверзлись небеса“, пишетъ пророкъ Іезекииль, „и я видѣлъ видѣніе Божіе“... великое облако и клубящійся огонь и сіяніе вокругъ него, а изъ середины его какъ бы свѣтъ пламени изъ середины огня, и изъ середины его было видно подобіе четырехъ животныхъ... и видъ этихъ животныхъ былъ, какъ видъ лампадъ; огонь ходилъ между животными, и сіяніе отъ огня и молніи исходили отъ него“. Самъ Іегова является какъ бы олицетвореніемъ небснаго огня. „Господь Богъ твой есть огонь поядающій“; познайте могущество мое, говоритъ Господь.... „кто изъ васъ можетъ жить при огнѣ пожирающемъ, кто изъ васъ можетъ жить при вѣчномъ пламени?“ Давидъ такъ изображаетъ картину гнѣва Господня: „поднялся дымъ отъ гнѣва Его и изъ устъ Его огонь поядающій“. Объ огнѣ, исходящемъ отъ Господа, приносящемъ смерть и разрушеніе, часто упоминается въ книгахъ Ветхаго Завѣта; Іегова по истинѣ огненный Богъ, являющійся въ разныхъ видовыхъ формахъ у разныхъ Семитскихъ народовъ. Объ Ассирійскомъ богѣ огня Адаръ, величаемомъ иногда Маликъ-Молохомъ, такъ сказано на древнихъ надписяхъ: „богъ освѣщающій народы и солнце“, „свѣтъ боговъ“, „страшный владыка храбрыхъ, царь силы, разоритель враговъ, покоритель непослушныхъ, истребитель мятежныхъ, царь желѣза“, словомъ, представитель войны, которая въ древности неоднократно называлась огнемъ. У народовъ Ханаанскихъ, въ Сиріи и Финикии, грозный представитель огня носилъ названіе Молоха (Малаха, Молеха). Ему приносили въ жертву людей (взрослыхъ и младенцевъ). Обычай сожигать людей въ честь Ваала-Молоха перенесенъ финикиянами и въ Карѳагенъ, а оттуда въ Сардинію, главнѣйшую Карѳагенскую провинцію. Жертвоприношенія эти частію повторялись періодически въ извѣстное время, частію обуславливались

особыми обстоятельствами общественной и частной жизни и имѣли соотвѣтственно тому значеніе, то умиловительное (когда постигали народъ бѣдствія: война, засуха, чума), то обѣтный или благодарственный. Въ древнемъ Египтѣ былъ сходный обычай сожигать живыхъ людей въ честь бога засухи и огня, Сета или Сутеха. (Тифона Греческихъ писателей). Это имѣло мѣсто во время каникулъ, т. е. въ пору сильнѣйшаго зноя. Въ Галліи, у Друидовъ, по словамъ Греческихъ и Римскихъ писателей, также существовали жестокіе жертвенные обычаи, обнаруживающіе вліяніе служенія Молоху: сооружались изъ прутьевъ колоссальныя человѣческія фигуры пустыя внутри: онѣ наполнялись живыми иногда людьми, которые и сожигались.

Нельзя не видѣть остатковъ этого древняго Семитско-галльскаго обычая въ нѣкоторыхъ жертвенныхъ обрядахъ, сопровождающихъ возжиганіе Ивановскихъ костровъ. Во Франціи въ старину сжигались на Ивановскомъ кострѣ живыя кошки или лисицы, заключенныя въ корзинкѣ или мѣшкѣ. Въ Перинеехъ еще недавно существовалъ обычай сожигать на Ивановскомъ кострѣ живыхъ змѣй. Раздирающіе крики и отчаянныя искривленія тѣла сгорающихъ живыхъ животныхъ привѣтствовались толпой громкимъ ликованіемъ и бѣшеными плясками кругомъ огня, напоминающими неистовыя пляски и бѣснованіе Хапаанскихъ народовъ кругомъ жертвенника Ваала-Молоха. Дальнѣйшее ослабленіе Семитскаго обычая представляетъ сожиганіе на Ивановскомъ кострѣ костей мертвыхъ животныхъ (во Франціи) или лошадиной головы (въ Германіи). Въ одной Галицко-русской купальской пѣснѣ сохранилось воспоминаніе о сожженіи на Ивановскомъ кострѣ слѣпой кошки:

„Долишняне! горшняне!
Сходьтеса до насъ на соботку,
Спечемы вамъ слѣпу кошку“.

На Ижорѣ (въ окрестностяхъ Петербурга) еще въ прошломъ столѣтїи наканунѣ Иванова дня при пляскахъ сожигали на кострѣ бѣлаго пѣтуха. Эсты бросаютъ въ огонь Ивановскаго костра разные предметы (камни, куски дерева, прутья и т. п.) въ качествѣ жертвенныхъ даровъ огню, произнося при этомъ: „мнѣ, мнѣ, огню—сорныя травы“.

Въ то время какъ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, относящихся преимущественно до Западной Европы, костры, возжигаемые въ пору высшаго солнцестоянія, являются жертвенными огнями, на которыхъ богу небснаго огня приносится въ даръ живые и неживые предметы, у Славянъ они болѣе или менѣе утрачиваютъ жертвенное значеніе: у Славянъ на Ивановскомъ кострѣ сжигается молодое дерево или соломенная кукла или цвѣты и вѣнки, знаки весенняго плодородія. Самый огонь Ивановскихъ костровъ во многихъ мѣстахъ носить въ народѣ названія: „живой огонь“, „царь огонь“ (Новгород. губ.) „божій огонь“, „небесный огонь“, Himmels Feuer (въ Швабіи) и даже средолѣтній Вааль—Midsommersbaal (въ Даніи)*).

*) Наши предки Славяне усваивали огню точно также божественное происхожденіе и воздавали ему божескія почести. „И огневи молятся, зовутъ его Хърсомъ Сварожни-“

Выше мы говорили, что древніе народы, какъ Арійскаго, такъ и Славянскаго племени, приписывали огню вообще очистительную силу. На томъ же представленіи основаны разныя обрядныя дѣйствія, которыми сопровождается возжиганіе обрядныхъ костровъ: такъ повсемѣстно у Славянъ распространенъ обычай проводить скотъ черезъ пламя костровъ (не только Ивановскихъ, но и другихъ) и скакать черезъ Ивановскіе костры, съ цѣлю обезпеченія себя отъ пагубныхъ вліяній злой, нечистой силы, словомъ—для очищенія отъ недуговъ настоящихъ и будущихъ. Тотъ же обычай соблюдается и у многихъ Европейскихъ народовъ съ тою же цѣлю очищенія. Во Франціи не только скачутъ черезъ огонь взрослые, но переносятся черезъ него и дѣти. Въ Шотландіи молодые люди скачутъ черезъ огонь, въ то время какъ пожилые шепчутъ молитву; дѣвушки переходятъ черезъ пламя костровъ въ надеждѣ получить жениха, беременныя женщины, чтобы роды были легки. Въ Шотландіи такимъ же образомъ переносятъ черезъ огонь дѣтей. Въ Греціи женщины, прыгая черезъ Ивановскіе костры, восклицаютъ: „избавляюсь отъ грѣховъ“. Обычай во время скотскаго падежа зажигать огонь посреди скотнаго загона и проводить черезъ него скотъ съ цѣлю предохраненія его отъ заразы былъ извѣстенъ уже въ древней Индіи. Провожденіе же дѣтей черезъ огонь было обычаемъ весьма распространеннымъ у народовъ Семитскихъ, о чемъ неоднократно свидѣтельствуютъ книги Ветхаго Завета, напр. „не долженъ находиться у тебя проводящій сына своего или дочь свою черезъ огонь“. Обрядъ этотъ, по свидѣтельству другихъ мѣстъ, совершался въ честь Ваала-Молоха, при чемъ осталось еще неразъясненнымъ, было ли цѣлю этого обряда очищеніе проводимыхъ черезъ огонь, или выраженіе ихъ сожиганія, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводилось въ исполненіе.

Сопоставляя все вышеизложенное, приходимъ къ заключенію, что огонь Ивановскихъ костровъ, возжигаемый въ пору высшаго солнцестоянія, прежде всего представляется знакомъ небснаго огня, источника лѣтняго зноя. Повсемѣстно огню этому приписывается очистительная сила, предохраняющая отъ недуговъ, обезпечивающая плодородіе, здоровье и благополучіе *).

Въ нашихъ народныхъ купальскихъ обычаяхъ огню приписывается таинственное вліяніе на судьбу человѣка, въ особенности же на устроеніе браковъ.

цель“... „И огни молятся подь овинномъ“, говоритъ лѣтописецъ. Слѣды древняго языческаго поклоненія огню встрѣчаются въ народныхъ вѣрованіяхъ и доселѣ. Въ д. Быстриковѣ, Стародубскаго у., еще недавно умеръ старикъ, который, затапливая овинъ, непременно снималъ шапку и крестился говоря: „дай, Боже здравствовать!“ На вопросъ, кому это онъ говоритъ? Онъ отвѣчалъ: „Кому? Перуну, съ огнемъ не великія шутки! Такъ старые люди дѣлали и насъ навучили“... Плевать въ огонь, мочиться въ огонь, кидать въ огонь экскременты—народъ считаетъ грѣхомъ. Кто дѣлаетъ это, тотъ изсохнетъ. Огонь является какъ бы существомъ одушевленнымъ. Кто изъ горящаго дома украдетъ какую либо вещь и понесетъ домой, то за нимъ перекинется на его собственный домъ и огонь съ горящаго дома.

*) „Древнеарійскіе и древнесемитскіе элементы въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ и культахъ Славянъ“. Этногр. Обзор. XXVI кн.

Вещь вполне понятная: у нашихъ предковъ судьба дѣвушки чаще всего рѣшалась въ купальскія празднества, посвященныя солнцу, знакомъ котораго и является огонь. И до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ глухихъ поселкахъ Волынскаго Полѣсья сохранился своеобразный свадебный обычай: невѣсту, прежде чѣмъ вести въ церковь для вѣнчанія, заставляютъ пройти черезъ огонь¹⁾. Это испытаніе дѣлается съ цѣлю узнать, сохранила ли невѣста дѣвственность до замужества: огонь долженъ обжечь дѣвушку, если бы она рѣшилась на это испытаніе не будучи цѣломудренною. Испытаніе это производится такъ: по дорогѣ въ церковь раскладывается небольшой костеръ, черезъ который въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ должна перешагнуть невѣста²⁾. Тоже въ такъ называемомъ (у Бѣлоруссовъ) „посадѣ“ дѣлается женихомъ передъ свадьбою, съ цѣлю узнать сохранилъ ли онъ свою невинность.

Сходство между купальскими обрядами и обрядами свадебными весьма разительно.

Необходимую принадлежность купальскихъ игрищъ составляетъ „марѣна“, „купаило“, „вилце“ и т. п. „Марѣна“ есть ничто иное какъ деревцо, украшенное цвѣтами и лентами, очень часто то самое деревцо, на которомъ завивались вѣнки. Вокругъ этого деревца въ купальскую ночь дѣвушки пляшутъ и поютъ купальскія пѣсни.

Коло воды-моря ходили дѣвочки
Коло Марѣночки,—
Купало!

Парни стараются отнять это деревцо у дѣвушекъ и, если отнимутъ, то разрываютъ его, послѣ чего дѣвушки дѣлаютъ новую „марѣну“. По окончаніи купальскихъ игрищъ „марѣна“ кидается въ воду.

„Утонула марѣночка утонула,
Та наверхъ кісоньки зринула“.

Слово „марѣна“ находитъ себѣ объясненіе въ словахъ „марить“, припекать (о солнцѣ). „Примарило“, припекло, говорятъ о солнечномъ припѣкѣ. „Марѣною“ называется точно также растеніе, дающее красную краску. Среди Лужицкихъ Сербовъ распространено вѣрованіе, что въ полдень прохаживается какая-то Мара, заботясь о томъ, чтобы все хорошо росло, особенно травы³⁾. Очевидно, что со словомъ марѣна соединилось понятіе о свѣтоносной солнечной супругѣ зарѣ-зарницѣ. Эта марѣна-мара и есть ничто иное какъ солнечная невѣста, а затѣмъ супруга „красная дѣвица заря-зарнице“, купавшаяся вмѣстѣ

¹⁾ Новое Время № 5303.

²⁾ Въ Мглинскомъ у. когда послѣ свадьбы ведутъ молодого съ молодой, то передъ дворомъ раскладываютъ огонь. Дружкѣ съ помощью прочихъ бояръ тянутъ коней и телѣгу съ молодыми непременно черезъ огонь, чтобы имъ Богъ послалъ благополучную жизнь.

³⁾ Срезневскій. Жив. Стар. в. П. 1890 г. стр. 60.

съ солнцемъ въ водахъ и обратившаяся во многихъ купальскихъ пѣсняхъ въ Марью (Марѣна-Мара-Марья).

Припомнимъ, что по народному повѣрью „на зарѣ трава растетъ“, припомнимъ, затѣмъ, и слова купальской пѣсни:

„Гдѣ Марья купалась
Трава разцвѣталась“.

И намъ будетъ ясно, что марѣна“ изображала собою ничто иное, какъ „красную дѣвицу“ зарю, являющуюся какъ бы богиней, покровительницей всѣхъ дѣвушекъ. Заря, по народному представленію, является покровительницей растительности, между тѣмъ знакомъ растительности служить головной волосъ. На древнемъ поэтическомъ языкѣ травы, цвѣты, кустарники и деревья назывались „волосами земли“. Мать купальской Ганны говорить громадѣ:

Не косите, людіе, по лугамъ травы!
По лугамъ трава—Ганнина коса.

Знакомъ же дѣвчества и первымъ признакомъ его служить дѣвичья коса—„дѣвья красота“. Еще въ недавнее время во многихъ мѣстахъ Россіи существовалъ обычай обрѣзать косу у дѣвушки, потерявшей невинность.

Съ купальскихъ праздниковъ, совершавшихся въ честь свадьбы бога солнца, эта „марѣна“ подъ различными названіями перешла и въ народную свадьбу. У Галицкихъ Русиновъ она представляетъ собою вѣтку вишневаго дерева, втыкаемую въ свадебный каравай, украшаемую цвѣтами и лентами и называемую „деревцомъ“. У Гуцуловъ такія „деревца“ украшаются яблоками. У Поляковъ Сандомирскаго уѣзда они называются „розгой веселья“, а у Плоцкихъ мазуровъ—„вѣнцомъ“. Въ Сѣдлецкой губ. на свадьбахъ является вѣтка можжевельника, на которую вѣшаются подарки для молодыхъ. У Малоросовъ на Украинѣ свадебное деревцо называется какъ и купальское „вильце“ или „гильце“. Оно представляетъ собою древесную вѣтвь, украшенную цвѣтами и лентами. Въ Гродненской губ. это деревцо называется „ѣлкою“. Въ Калужской свадебное деревцо называется точно также ѣлкою и украшается лентами, шелкомъ и цвѣтами *).

Въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губ., какъ свадебное деревцо, такъ и деревцо купальскихъ обрядовъ называется „дѣвья красота“; въ другихъ мѣстахъ оно извѣстно въ обоихъ случаяхъ подъ именемъ „рипея“ и т. п.

Правда, на свадебныхъ обрядахъ это деревцо служить только знакомъ дѣвчества, эмблемой невинности, но нѣтъ сомнѣнія, что свадебная „дѣвья красота“ есть только видоизмѣненіе купальской „марѣны“. Способъ приготовленія ихъ, значеніе въ торжествѣ, а иногда и послѣдняя судьба (разрываніе на части) и въ томъ и другомъ случаѣ почти одни и тѣ же.

*) Этногр. Обзор. 1901 г. № 1. стр. 138—140.

Съ принятіемъ христіанства, когда язычество утратило свою силу, обрядъ марёны обратился въ шутку. Такъ, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Волини въ праздникъ Купалы до восхода солнца дѣвицы выбираютъ длинную палку, надѣвають на нее вѣникъ и съ этой палкой выбѣгаютъ на улицу, припѣвая различныя насмѣшки на счетъ паробковъ, въ родѣ такихъ:

Купайла на Ивана
Сучки въ борщѣ упала,
Хлопці вытягали
Зубы поломали.
Дівчата граблями,
А хлопці зубами и т. д.

Паробки, услышавъ эти насмѣшки, подкрадываются къ дѣвицамъ, нападаютъ на нихъ, отнимаютъ палку съ вѣникомъ, вѣникъ разрываютъ на куски, а палку переламываютъ и все это разбрасываютъ на улицѣ. Послѣ этого дѣвушки берутъ новую палку и т. д. Послѣ обѣда въ Ивановъ день дѣвушки, нарвавъ цвѣтовъ и сплетя изъ нихъ вѣнки для себя, дѣлаютъ изъ соломы чучело и, насадивъ его на палку, несутъ на извѣстное мѣсто съ пѣснями и пляскою. Тамъ они ставятъ его на землю и, ставъ около него въ кружокъ, поютъ пѣсни. Наконецъ, являются парни и разрываютъ чучело на части. Вообще судьба „марёны“ бываетъ двоякая: или ее топятъ въ водѣ, или же ее разрываютъ на части. Потопленіе „марёны“ въ водѣ является, повидимому, болѣе древнимъ обычаемъ. Припомнимъ сказаніе о богѣ купавшемся въ озерѣ и утонувшемъ, припомнимъ и слова купальской пѣсни:

„Утонула марёночка утонула,
Та наверхъ кісонька зринула“.

Въ потопленіи „марёны“ можно видѣть остатки прежнихъ языческихъ праздниковъ въ честь проводовъ зимы и встрѣчи весны, остатки, приуроченныя затѣмъ къ „купальскимъ праздникамъ“. Проводы зимы и до сихъ поръ совершаются у многихъ Славянскихъ народовъ. Отдѣльные случаи этого торжества въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ заключаются: 1. въ шествіи съ чучеломъ, изображающимъ смерть (зиму) изъ селенія къ водѣ. 2. въ срываніи съ него облекающей его одежды. 3. въ погруженіи чучела въ воду (потопленіи). 4. послѣ этого срубаютъ деревцо, изображающее воскресшее лѣто, одѣвають его въ платье, въ которое передъ тѣмъ одѣто было чучело, украшаютъ пестрыми лентами и блестками и съ пѣснями и плясками вносятъ въ селеніе. Подобные обряды существуютъ кое гдѣ и у насъ въ Россіи.

Главное во всѣхъ этихъ обрядахъ состоитъ въ погруженіи изображенія зимы въ воду, вслѣдствіе чего зима обращается въ лѣто, знакомъ котораго и является разукрашенное деревцо. Погруженіе изображенія божества въ воду, омовеніе его или обновленіе его силъ водою составляло между прочимъ и главнѣйшую часть обрядныхъ дѣйствій, ежегодно совершавшихся въ честь матери-земли Nerthus въ древней Германіи, великой матери Идейской въ Римѣ, богини

Сирийской въ Герополисѣ и т. д. *) Въ разрываніи марёны на части проглядываетъ уже другой обычай, обычай проводовъ русалокъ, приуроченный въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ Петровскому заговѣнью, въ другихъ къ Троицыну дню, а въ третьихъ къ первому Понедѣльнику Петрова поста. По общераспространенному народному вѣрованію весною русалки выходятъ на берега и поселяются въ лѣсахъ и рощахъ. Выходя на берегъ, русалки любятъ расчесывать свои длинные волнистые волосы, поютъ пѣсни и заманиваютъ прохожихъ. Иногда онѣ просятъ себѣ холста или какой-нибудь ткани на рубашку, и въ такихъ случаяхъ имъ необходимо дать что-нибудь, хотя бы оторвавъ кусокъ отъ собственнаго платья. Нѣкоторые съ этою цѣлію развѣшиваютъ въ лѣсу по деревьямъ куски полотна, предназначеннаго для русалокъ; другіе, чтобы накормить ихъ, раскладываютъ у себя на окнахъ горячій хлѣбъ и вѣрятъ, что русалки насыщаются паромъ, поднимающимся съ этого хлѣба. Въ обыкновенное время русалокъ считаютъ довольно безвредными и кроткими, но послѣ Троицына дня онѣ становятся очень опасными, такъ какъ могутъ щекотать до смерти. Предохранительнымъ противъ нихъ средствомъ считается между прочимъ трава полынь. Идя послѣ Троицына дня въ лѣсъ, слѣдуетъ непременно брать съ собою пучекъ полыни. Русалка, подбѣжавъ къ человѣку, непременно спроситъ его: „что у тебя въ рукахъ—полынь или петрушка“? Если сказать: „полынь“, она пробѣжитъ мимо и только крикнетъ: „прячься подъ тынъ“, а если сказать: „петрушка“, она бросится на человѣка и съ крикомъ: „ахъ, моя душка!“ примется щекотать до тѣхъ поръ, пока у него не пойдетъ пѣна изо рта.

Иногда, особенно встрѣчая дѣвушекъ, русалки, по народному повѣрью, выраженному въ пѣснѣ, загадываютъ имъ три загадки: „что растеть безъ корня? Что бѣжить безъ повода? Что растеть безъ всякаго цвѣта?“ и не давая времени долго раздумывать тутъ же говорятъ и отгадки: „камень растеть безъ корня, вода бѣжить безъ повода, папоротникъ растеть безъ цвѣта“. Затѣмъ онѣ кидаются на свою жертву и, обвивъ шею, щекотаютъ подъ мышками, сначала тихо, съ припѣвомъ, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, пока человѣкъ не умираетъ отъ щекотанья. Въ мѣстностяхъ, лежащихъ на Днѣпрѣ, рассказываютъ, что огоньки свѣтящіяся на могилахъ, курганахъ, въ лѣсахъ и поляхъ, зажигаются русалками, чтобы заманить неосторожныхъ путниковъ и, потомъ, бросить ихъ въ Днѣпръ. Любимыя деревья русалокъ дубъ и клѣнъ; онѣ качаются на сучьяхъ и зазываютъ прохожихъ къ себѣ „покачаться на реляхъ“. (Отсюда и связь русалокъ съ удавленниками). Иногда, сидя на сучкахъ, русалки занимаются разматываніемъ пряжи, которую уносятъ отъ крестьянокъ, уснувшихъ безъ молитвы.

Кромѣ травъ полыни и зори, которыя слѣдуетъ бросать имъ въ глаза, при чемъ онѣ тотчасъ же разбѣгаются, противъ русалокъ существуетъ еще

*) „Богиня весны и смерти въ пѣсняхъ и обрядахъ славянъ“. „Вѣстникъ Европы“ 1895 г. № 6 и 7.

особое заклѣтіе изъ непонятныхъ словъ, отъ котораго бѣгутъ, будто бы, не только русалки, но и сами дьяволы:

Ау, ау—шиярда кавда!
 Шивда, ввоза, митга, миногамъ.
 Каланди, поди, якуташма, биташъ
 Окуто ми, нуффинъ, зифима и т. д.

Заклѣтіе это хранится въ глубокой тайнѣ и передается только подѣ общаніемъ не разглашать.

На Троицкой недѣлѣ дѣвушки не купаются, а если и купаются, то съ молитвою и держа пучекъ полны въ рукѣ изъ боязни, чтобы русалки не утащили въ свой подводный теремъ. Русалки наносятъ людямъ вредъ и другими способами: заливаютъ поля водою, ломаютъ плотины, разрушаютъ мосты и т. п. Если кто, идя подлѣ воды, услышитъ стонъ и слова: „рогъ есть, головы нѣтъ“, тотъ можетъ быть увѣренъ, что съ нимъ случится какое-нибудь несчастье. На русальной недѣлѣ совѣтуютъ крошить яичную скорлупу какъ можно мельче, потому что если останется половинка скорлупки и случайно попадетъ въ рѣку, русалки непременно обратятъ ее въ лодочку и будутъ плавать на ней на зло людямъ. Вообще со скорлупою нужно обходиться осторожно; если кто выброситъ цѣльную скорлупу на дворѣ, и въ ней накопится вода, а воды этой напьется сорока, то на бросившаго непременно накинется лихоманка. Ночью при лунѣ, которая для русалокъ свѣтитъ ярче обычнаго, русалки качаются на вѣтвяхъ, аужаются между собою и водятъ веселые хоробы съ пѣснями, играми и плясками. Гдѣ онѣ бѣгали и рѣзвились, тамъ трава растетъ гуще и зеленѣе, тамъ и хлѣбъ родится обильнѣе. Тѣмъ не менѣе отъ русалокъ не столько пользы, сколько вреда: когда онѣ плещутся на водѣ и играютъ съ бѣгущими волнами, прыгаютъ на мельничныя колеса и вертятся вмѣстѣ съ ними, онѣ все таки не забываютъ спутывать у рыбаковъ сѣти, а у мельниковъ портить жернова и плотины. Онѣ могутъ насыпать на поля сокрушительныя бури, проливные дожди, разрушительный градъ. Въ южной Россіи русалокъ представляютъ прекрасными дѣвушками, поющими веселыя пѣсни восхитительнымъ голосомъ. На Сѣверѣ Россіи русалки являются въ народномъ воображеніи растрепанными, нечесанными, блѣднолицыми съ зелеными волосами и такими же глазами. Въ Саратовской губ. можно услышать даже, что русалки существа злыя, горбатыя, безобразныя, косматыя съ острыми когтями и желѣзнымъ крокомъ, которымъ онѣ ловятъ людей*).

Вся недѣля передъ Троицынымъ днемъ называется въ народѣ „русалкой“. Во Вторникъ этой недѣли во многихъ мѣстахъ существуетъ обыкновеніе поминать удавленниковъ. На могилу приносятъ блины, красныя яйца и вино. Яйца разбиваются на могилѣ за упокой души, а родня удавленника пьетъ затѣмъ вино и закусываетъ блинами съ слѣдующимъ призываніемъ:

*) „Нечистая сила“, М. Максимова изд. Этн. Бюро князя Тенишева. Спб. 1890 г.

Русалка, царница,
 Красная дѣвица,
 Не забуди душки,
 Не дай удавиться
 А мы тебѣ кланяемся.

Часть блиновъ оставляется на угощеніе русалкѣ. „Проводы русалокъ“ приурочиваются народомъ чаще всего или къ заговѣнью на Петровъ постъ или же къ первому Понедѣльнику Петрова поста. Въ первый Понедѣльникъ Петрова поста, говоритъ извѣстный С. М. Соловьевъ, бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище: „провожанье русалокъ“; женщины снаряжали изъ соломы два чучела въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на двѣ половины и тихими хороводами приближались къ концу улицъ. Здѣсь распѣвались непремѣнно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучелою плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенную чучелу-русалку дѣвицы принимали на свои руки для защиты; а женщины стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ или защищались сами отъ нападенія. Бойцы изъ улицы переселялись на поле, гдѣ побоище и оканчивалось растерзаніемъ чучель и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ Нижегородской губерніи въ заговѣнье на Петровъ постъ дѣвушки срубаютъ березку, убираютъ ее лентами, цвѣтами и лоскутками и водятъ вокругъ нея хороводы. Вечеромъ березку эту несутъ и кидаютъ въ рѣку¹⁾.

Въ Рязанской губ. въ теченіи „русальной недѣли“ ежедневно по вечерамъ водятъ „курагоды“. Нѣсколько самыхъ бойкихъ дѣвушекъ изображаютъ всю эту недѣлю русалокъ. Вечеромъ онѣ появляются въ однѣхъ рубашкахъ съ распущенными и перекинутыми на лицо волосами. Онѣ бродятъ то по улицѣ, то по задворкамъ, то прячутся въ коноплю, стараясь кого-нибудь испугать, преимущественно небольшихъ ребятъ. Если имъ удастся поймать ребенка, то онѣ трясутъ его. Наканунѣ заговѣнья, въ 12 часовъ ночи (до этого часа русалки ходятъ все время по деревнѣ, то приближаясь къ курагѣду, то держась нѣсколько поодаль) всѣ находящіяся на улицѣ вооружаются палками, косами, и съ крикомъ: „гони русалокъ“, со звономъ въ косы и щелканьемъ кнута въ бросаются на русалокъ, которыя убѣгаютъ со всѣхъ ногъ. Когда имъ удастся спастись на землю сосѣдней деревни (куда ихъ стараются не пустить), преслѣдованіе прекращается, и всѣ возвращаются домой: „ну, теперь прогнали русалокъ!“²⁾. Дѣтей здѣсь пугаютъ русалками, говоря, что русалка, поймавъ дитя, затрясетъ и затопчетъ его до смерти. Въ Воронежской губ. еще въ недавнее время въ Субботу передъ Троицынымъ днемъ („клевальную субботу“) дѣвушки устраивали особенный, разукрашенный шалашъ и въ немъ ставили соломенное чучело, которое наряжали сначала въ женское, а затѣмъ, въ мужское платье. Передъ чучеломъ ставили кушанья и лакомства, а вокругъ шалаша водили хороводы,

¹⁾ Волжскій Вѣстн. 1900 г. № 136.

²⁾ Живая Стар. 1891 г. в. IV стр. 202.

за которыми слѣдовало общее угощеніе. Послѣ угощенія чучело раздѣвали и бросали въ воду. Въ Тульской губ., по берегамъ рѣки Красивой Мечи проводы русалокъ справлялись слѣдующимъ образомъ. Крестьяне еще съ вечера собираются на полянахъ, гдѣ поютъ пѣсни, а съ наступленіемъ ночи начинаютъ бѣгать, размахивая въ воздухѣ помелами, съ громкими криками: „догоняй! догоняй!“ Отъ этого, по ихъ мнѣнію, испуганныя русалки всѣ разбѣгаются, и крестьяне на другой день спокойно идутъ купаться, зная, что русалки теперь не страшны¹⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ проводы русалокъ совершаются не въ Субботу, а въ Понедѣльникъ послѣ Троицы, почему и Троицынъ день носить тамъ названіе „русальнаго заговѣнья“²⁾.

Проводы русалокъ справляются не вездѣ одинаково, но тѣмъ не менѣе почти всегда необходимую ихъ принадлежность составляетъ соломенное чучело, изображающее русалку. Дѣвушки дѣлятся на двѣ половины: одна защищаетъ чучело, а другая нападаетъ, бросаясь пескомъ и обливая защитницъ водою. Послѣ борьбы чучело относится за деревню на поле, гдѣ и разрывается. Жители береговъ Оки думаютъ, что гонимыя людьми, русалки убѣгаютъ въ глубину водъ.

По всей вѣроятности, проводы русалокъ перешли на начало Петрова поста или же на Троицкую Субботу съ какого-нибудь древняго языческаго праздника, такъ какъ начало Петрова поста или, такъ называемое „всѣхсвятское заговѣнье“, а также и Троицкая Суббота суть праздники христіанскіе и, притомъ переходящіе съ одного числа на другое. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что эти проводы соединились у нашихъ предковъ Славянъ-язычниковъ съ купальскими игрищами. На это указываетъ, между прочимъ, и весьма близкое сходство, существующее между нѣкоторыми купальскими обрядами и обрядами, встрѣчающимися при проводахъ русалокъ. Сходство это видно уже съ перваго взгляда. Въ настоящемъ случаѣ мы обратимъ вниманіе на одинъ обрядъ, еще болѣе подтверждающій это сходство. Обрядъ этотъ есть обрядъ „крещенія кукушки“ или обрядъ „кумовства“, который приурочивался къ купальскимъ праздникамъ. Въ Рязанской губерніи этотъ обрядъ справляется слѣдующимъ образомъ. Въ Троицынъ день молодежь отправляется въ церковь съ пучками полевыхъ цвѣтовъ. Послѣ обѣдни собирается гулянье на улицѣ, и молодежь завиваетъ вѣнки. Съ вѣнками на головахъ парни и дѣвушки „водятъ круги“, играютъ пѣсни и пляшутъ. Подъ вечеръ заигрываютъ „протѣжную“ пѣсню:

Сильна, сильна чпрѣмушка
Сильно разсвѣла,
Честна хвальна бесѣдушка,
Гдѣ батюшка мой.
Онъ пить ня пьетъ
Голубчикъ мой,

¹⁾ „На каждый день“. И. Тюменевъ. Сиб. 1898 г. стр. 240.

²⁾ Сравни повѣрье, что „до Иванова дня купаться грѣхъ“.

За мною младою плеть;
 А я млада младенушенька
 Замѣшкалася.
 За утками за гусями
 За лебедями,
 За вольною за пташкою,
 За журушкой*).
 Какъ журушка кругъ бережку
 Похаживае.
 Кавыль травку
 Шелковую
 Пощипывае,
 На правую старонушку
 Наглядывае.
 На правой на старонушкѣ
 Четыре двора.
 Ва этихъ ва дворикахъ
 Четыре кумы.
 Вы кумушки-голубушки
 Подружки ман,
 Пойдемте въ зельнѣ салъ гулять,
 Въ зильномъ саду
 Вянки завивать.
 Завивши вянки
 За Дунай рѣку бросать.
 Всѣ вянки наверхъ воды,
 А мой потонулъ:
 Всѣ мужья домой пришли
 А мой не пришелъ.

Съ этой пѣсней идутъ къ рѣкѣ. На берегу дѣвушки и молодыя бабы умываются черезъ вѣнки (круглый вѣнокъ—знакъ солнца). Желаящія кумятся въ это время между собою, цѣлуясь черезъ вѣнки, или, какъ говорятъ иначе, „крестятъ кукушку“. Вѣнки бросаютъ въ воду, наблюдая за ними: чей вѣнокъ уплыветъ впередъ—та дѣвушка и выйдетъ впередъ замужъ; чей вѣнокъ потонетъ—та умретъ въ этомъ году; чей вѣнокъ пристанетъ къ берегу—та не будетъ любима мужемъ или мужъ ея будетъ пьяницей... Послѣ этого заиграютъ пливовую пѣсню:

Да всѣ кумушки дамой,
 Всѣ галубушки дамой,
 А я млада здѣсь буду
 Я здѣсь буду—начую.
 На мнѣ шуба—чужая,
 Рубашенка худая;
 Пайду домой прямую
 А новую надѣну.

*) Журка—самка журавля.

Съ этой пѣсней молодежь возвращается въ деревню, гдѣ гулянье продолжается обычнымъ порядкомъ¹⁾. Въ Карачевскомъ уѣздѣ, Орловской губ., когда кукушка въ первый разъ закукуетъ, мальчики „братаются“ между собою, цѣлуются и мѣняются крестами: „крестятъ кукушку“. Въ Духовъ день крестьянскія дѣвушки Дмитровскаго уѣзда Орловской губ. мѣняются крестами, цѣлуются черезъ вѣнокъ, сплетенный изъ березокъ, поютъ „кукушку“ и сами въ пѣснѣ перекликаются какъ кукушки: „Авле! кукушка ряба! да камужь ты кума?“²⁾. Въ Малороссіи вѣрятъ, что въ Троицкую Субботу русалки бѣгають по ржи, хлопають въ ладоши и поютъ:

Бухъ, бухъ!
Саломенный духъ!
Мене мати породила
Некрещену положила.

Услыхавъ ихъ голосъ, слѣдуетъ проговорить: „прошаю тебя Иванъ да Марья, во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Тогда дѣти русалки, недостигшіе еще семилѣтняго возраста, возносятся на небо, какъ бы получившіе настоящее крещеніе³⁾. Очевидно, что обрядъ крещенія кукушки есть ничто иное какъ обрядъ крещенія русалокъ, приуроченный къ купальскому празднику.

Обрядъ крещенія русалокъ есть ничто иное какъ тотъ же обрядъ крещенія кукушекъ. Къ этому приводятъ насъ, между прочимъ, и слѣдующія соображенія. Русалки, по древнему вѣрованію, были души умершихъ (между прочимъ и души младенцевъ, оставшіяся некрещеными). Между тѣмъ кукушки у всѣхъ Славянъ есть одинъ изъ образовъ, подъ которымъ представлялась душа человѣка. По народному вѣрованію, распространенному въ Смоленской губ., покойникъ принимаетъ образъ кукушки и слетаетъ съ неба на землю побесѣдовать со своими родными. Липо, испытывающее горе, чтобы подѣлиться печалью съ близкимъ его сердцу человѣкомъ, становится кукушкою и, прилетѣвъ къ родному, выкуковываетъ ему свою кручину. Вѣрованіе это извѣстно во многихъ мѣстахъ Россіи. Недаромъ въ старинной народной пѣснѣ, женщина, насильно выданная замужъ, говоритъ:

Полечу *кукушечкой* въ родимую сторону,
Сяду я у матушки въ зеленомъ саду.
Стану я горькая громко куковать,
Родимыѣ матушки сердце надрывать.
Своими слезами весь садъ затоплю
Своимъ кукованьемъ сердце надорву.

Въ словѣ „о полку Игоревѣ“ Ярославна говоритъ: „полечю *зезиццю* по Дунаеву; омочу бербянь рукавъ въ Каялѣ-рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны

¹⁾ Жив. Стар. в. IV. 1891 г. стр. 200.

²⁾ Этногр. Обзор. XXII кн. стр. 89.

³⁾ „На каждый день“ И. Тименева. Сиб. 1898 г. стр. 226—240.

на жестоѣмъ его тѣлѣ“. Въ причитаніяхъ Австрійскихъ Цыганъ родные покойника обращаются къ кукушкѣ съ слѣдующей просьбой: „Кукушка съ обросившимися ножками носи покойника на спинѣ своей къ дверямъ рай“¹⁾). Сама кукушка по новѣйшему народному представленію, есть ничто иное какъ чело-вѣкъ обращенный въ птицу. В. Н. Добровольскимъ записаны въ Смоленской губ. слѣдующія легенды о происхожденіи кукушки! 1. Теща убиваетъ нелюбимаго зятя. Жена его обращается съ горя въ кукушку и ищетъ загубленнаго матерью волшебницей мужа и кричитъ: „Якубъ! Якубъ!“ (имя мужа). 2. Злые братья губятъ нелюбимаго брата. Вдова его съ горя обращается въ кукушку. 3. Мать проклинаетъ дочь и сына за потерю ключей; сынъ становится соловейкой Максимомъ, а дочь кукушкой. Кукушки и до сихъ поръ непрестанно кричатъ: „Мак-симъ, вяр-нисъ! Ключи знай-шлись!“²⁾).

Изъ всего вышесказаннаго можно придти къ заключенію, что обрядъ „крещенія русалокъ“ и „обрядъ крещенія кукушекъ“ представляютъ собою одинъ и тотъ же обрядъ. Съ привятіемъ христіанства, когда прежнія языческія традиціи ослабли и изгладились изъ памяти народной, для народа могло казаться уже страннымъ, какъ въ обрядѣ „побратимства“ или „кумовства“ можно покумиться, въ то-же время никого не окрестивъ. И вотъ къ древнему обряду братотворенія народъ и усвоилъ новое названіе „крещеніе кукушекъ“, смѣшавъ два обряда въ одинъ. Изъ сказаннаго ясно видна та тѣсная связь, какая существуетъ между обрядомъ „крещенія кукушекъ“ и древними купальскими обрядами и игрищами. Подобная же тѣсная связь существуетъ и между другими купальскими обрядами съ одной стороны и обрядами „проводовъ русалокъ“, съ другой. Нѣтъ сомнѣнія, что русальныя игрища пріурочивались въ прежнее время къ купальскимъ. Перенесеніе русальныхъ игрищъ съ купальскихъ праздниковъ на Троицынъ или начало Петрова поста является вполне естественнымъ и возможнымъ, такъ какъ начало Петрова поста очень часто совпадаетъ съ купальскими днями и почти всегда приходится вблизи ихъ.

Русалки (сл. „мавки“) есть ничто иное, какъ души умершихъ. Весною, когда вся природа оживаетъ, по вѣрованію древнихъ славянъ, оживали и души умершихъ и бродили по землѣ. Такъ какъ водный путь у всѣхъ почти языческихъ народовъ считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, то неудивительно, что, по народному повѣрью, въ началѣ весны русалки живутъ въ водахъ: въ рѣкахъ, озерахъ и колодцахъ. Съ Троицына дня, по тому же народному повѣрью, онѣ оставляютъ воды и живутъ на деревьяхъ, а послѣ „проводовъ“ уходятъ подъ землю. Если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что нѣкоторые изъ обычаевъ, обрядовъ и вѣрваній, пріуроченныхъ нынѣ къ Троицыну дню, соединялись первоначально съ купальскими игрищами, что между проводами русалокъ и купальскими игрищами существуетъ близкое сходство, то можемъ вполне основательно утверждать, что

¹⁾ Этногр. Обзор. XXII стр. 89.

²⁾ „Смоленскій Этнограф. Сборникъ“ В. Н. Добровольскій, часть I. №№ 40, 38 и 38.

русальныя проводы соединялись первоначально съ купальскими праздниками, были, можетъ быть, заключительнымъ звеномъ этихъ праздниковъ.

Дѣйствительно, какъ души умершихъ, русалки суть представительницы царства смерти, тьмы и холода. Поэтому-то съ наступленіемъ весны онѣ, хотя и оживаютъ, но обитаютъ все таки въ темныхъ нѣдрахъ земныхъ водъ, еще холодныхъ весною. Но вотъ наступаетъ время купальскихъ праздниковъ. Солнце, купаясь въ водахъ, освящаетъ эти воды и оживотворяетъ ихъ. Умѣстно ли, поэтому, и возможно ли русалкамъ, представительницамъ смерти, обитать въ водахъ, освященныхъ купаньемъ живоноснаго солнечнаго божества? Конечно нѣтъ. И вотъ, по народному вѣрованію, русалки оставляютъ воды и лѣзутъ на зеленныя деревья, служившія, по вѣрованію древнихъ славянъ, жилищемъ мертвецовъ¹⁾. Но и эта попытка является для нихъ неудачной. Деревья съ наступленіемъ купальскихъ праздниковъ точно также освящены солнцемъ и получаютъ даже особую цѣлебную силу. На землѣ настало царство тепла, свѣта и жизни, и представительницамъ холода, тьмы и смерти на землѣ уже болѣе не находится мѣста. Для нихъ остаются одни только темныя нѣдра земли. Поэтому-то и говорится въ одной купальской пѣснѣ:

Русалочки земляночки
На дубъ лѣзли,
Кору грызли,
Свалилися—
Забилися.

Выраженіе пѣсни „земляночки“ ясно указываетъ на русалокъ, какъ на первоначальныхъ жительницъ земныхъ нѣдръ. Въ эти-то нѣдра обезсиленные русалки и скрываются послѣ купальскихъ праздниковъ.

Такимъ образомъ, наше предположеніе, что русальныя проводы являлись въ старину заключительнымъ звеномъ купальскихъ игрищъ, является болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Очень можетъ быть, что вслѣдствіе этого соединенія русальныхъ проводовъ съ купальскими праздниками въ народѣ съ теченіемъ времени и образовался совершенно особый взглядъ на русалокъ, какъ на дѣвушекъ-утопленницъ.

*) или:

Ой рана на Йвана
Соньняйка йграла
Дзѣвачка ваду брала,

¹⁾ Касательно лазанія по деревьямъ, есть драгоцѣнное свидѣтельство, что по мнѣнію древнихъ Славянъ, умершіе должны были жить иногда на деревьяхъ,—лазить по нимъ: въ житіи Константина Муромскаго читаемъ: „кони закалающе и по мертвыхъ ременныя плетенія древолазныя съ ними въ землю погребаяще и битвы и кроеніе, и лицъ настрѣканіе и драгіе творяще“.

*) М. Н. Посичъ. Литвини-Бѣлорусы Черниговской губ. Жив. Старина, в. III—IV. 1901 г. стр. 17—18.

Ой рана на Йвана
 У ваду упала.
 А за його казачанька,
 Ой рана на Йвана.
 Хоча яйе рятаваци и т. д.

или:

Ой рана на Йвана
 Пашли дзѣдки у ягадки,
 Ой рана на Йвана (припѣвъ послѣ каждой строфы)
 Да тамъ яны заблудзилися,
 Приблудзилися яны къ рѣццы,
 И къ рѣччацы Дунаю,
 Пришлось дзѣдкамъ Дунай плысць,
 Уси дзѣвачки пираплывали
 Сиротачка затонула.... и т. д.
 Приблудзилися яны къ рѣццы
 И къ рѣччацы Дунаю,
 Пришлось дзѣцкамъ Дунай плысць,
 Уси дзѣвачки пираплывали
 Адна дзѣвачка затонула и т. д.*)

Припомнимъ, что въ нѣкоторыхъ купальскихъ пѣсняхъ говорится о богѣ, купавшемся и утонувшемъ въ озерѣ.

Купала на Ивана!
 Купався Иванъ
 Тай въ воду упавъ.

Припомнимъ, что во множествѣ купальскихъ пѣсенъ рассказъ объ уто-
 нувшей дѣвушкѣ (Зирѣ), являющейся подъ именами Маріи, Ганны, Титяны
 и т. п.

Якъ пішла Ганна въ Дунай по воду
 И ступила Ганна на нитку кладку.
 Кладки сжитнула—Ганна втонула,
 Якъ потопала, тричи зринала.
 Ганна моя панна
 Ягодка червонна! 9)

или же:

Меньшая (сестра) большую
 Гулять втаекъ звала:
 „Пойдемъ, пойдемъ, сестрица,
 На берегъ на крутой,
 Посмотримъ тамъ, сестрица,
 Чѣмъ берегъ украсентъ“....
 Меньшая большую
 Столкнула въ рѣку,

Вода то сбушевалась
Подмыла берега и т. д. (Яросл. губ.)

или:

Утонула, Мареночка утонула
Та наверхъ кісонька зринула.

Въ позднѣйшихъ пѣсняхъ утопленникомъ является даже молодець:

Во саду дѣвки гуляли,
Во саду красныя гуляли,
Цвѣтки сорывали,
Вѣнки совивали,
Во Неву рѣку бросали:—
Кто вѣнокъ поймаеть
За того замужъ пойду.
Гдѣ не взялся молодчикъ
Изъ суровскаго ряду,
Разувался раздѣвался
Во Неву рѣку бросался.
Какъ вѣночекъ то далѣ,
Молодець то вѣдъ тонеть.
Какъ вѣнокъ повернулся,
Молодець захлебнулся.

Очень можетъ быть, что подъ вліяніемъ этихъ пѣсенъ, распѣвавшихся на купальскихъ игрищахъ вообще, а въ частности и на русальныхъ проводахъ, и измѣнился первоначальный взглядъ народа на русалокъ. Въ образѣ русалокъ народъ сталъ представлять первоначально души умершихъ некрещенными (при принятіи христіанства таковыми были всѣ души умершихъ предковъ), а затѣмъ, уже души утонувшихъ или задавившихся (болѣе поздній взглядъ) дѣвушекъ.

Согласно высказанному нами предположенію о значеніи купальскихъ игрищъ намъ легко будетъ объяснить и названіе этихъ игрищъ.

Купальскія игрища и праздники, длившіеся конечно нѣсколько дней, совершались въ честь солнечной свадьбы, было купанье солнца въ водахъ. Отсюда и названіе этихъ праздниковъ: „Купалы“ (сравн. „святки“, „колядки“, „коляды“, „проводы“) или же „купальница“ (сравн. „масляница“ „радоница“).

Такъ какъ купанье солнца могло быть замѣчаемо далеко не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ быстро исчезли слѣды этого праздника подъ вліяніемъ христіанскаго вѣроученія. Напротивъ, въ другихъ мѣстахъ, гдѣ это купанье солнца замѣчается изъ года въ годъ, и до сихъ поръ остались многочисленные остатки древнихъ купальскихъ игрищъ въ видѣ различныхъ обрядовъ и вѣрованій.

Такъ какъ день св. Іоанна Предтечи (24 Іюнь) совпадалъ съ купальскими праздниками, то, съ распространеніемъ христіанства этотъ Ивановъ день

въ отличіе отъ другихъ Ивановыхъ дней (Ивана, „постнаго“ и т. д.) сталъ называться днемъ Ивана „Купалы“ т. е. днемъ Ивана, память котораго чествовалась во время купальскихъ празднествъ.

Собственно названіе „купалы“, „купальница“ заставляло уже задумываться многихъ грамотеевъ еще въ XVI вѣкѣ. Такъ напримѣръ, въ одной рукописи XVI вѣка (Соф. № 1462 л. 82) находимъ слѣдующую статью: „Что ради наречеса Иванъ вечеръ Купальницею и коса раду полезно есть на различныя лечебныя потребности?“ Отвѣтъ: „Добре вопрошаеши, возлюбленне, тайну убо царскую добро есть таити, дѣла же Христова проповѣдати преславно есть. Отъ много убо пытания сіа навыхоухъ отъ искуснѣйшихъ мужъ: въ каа времена и въ коихъ странахъ прежь сіе учинися прозваніе. Бѣ бо человекъ благочестивъ въ Израили, именовъ Товитъ. И оклеветанъ бысть къ царю, и избѣге внѣ града и успѣ подъ стѣною царскою, отворени очи имы. Птицы же, зовомыя ластовицы, упустиша калтъ свой на очи его, и бысть на очію его бѣлми. Бѣ же отроковица отъ роду его, имущи въ себѣ бѣса. И повелѣ сыну своему Товиту пояти ея. Онъ же не смѣяше бѣса ради, прежде бо того семь мужъ убьени быша отъ бѣса. И помолися отроковица Богу и посла Богъ на помощь има ангела своего Рафаила. И рече Товитъ сыну своему Товиту: „съ рукописаніемъ отъиди въ Мидію и оттуду, возьми десять талантъ злата, скоро принеси ми“. Отроку же пытающу спутника и обрѣте ангела Божіа Рафаила, яко человекъ стояща. И рече Товиту: „азъ тутъ свѣдаю, а имя ми Назарья, да иду съ тобою“. И придоша къ рѣцѣ Тигрѣ, отроку же влѣзшу купатися по свѣту ангелову и приде къ нему рыба ліа, по нашему же осетрѣ. И рече ему ангель: „ими рыбу и, прорѣзавъ чрево ея, възьми утробу и сердце и желчь и съхрани“. Отроку же въпрошающу: „чему ея на потребу?“ И рече ему ангель: „утробою и сердцемъ кадящи изгонить бѣса и пойметъ отрокъ отроковицу жену себѣ; желчію же потребить бѣлмо“. Егда же возвратися Товитъ къ отцу своему и сътвори, яко же сказа ему ангель, и прогнанъ бысть бѣсъ каждеміемъ сердца и утробы и потребися бѣлмо помазаніемъ желчи. И оттолѣ мнози назнаменаша той день, въ онъ же Товитъ купася свѣтомъ ангеловымъ, мѣсяца Іунія въ 23, яко той день благопотребенъ есть на всяку пользу роду человѣческому“.¹⁾

Въ приведенномъ отрывкѣ мы видимъ образчикъ того, какъ книжникъ народному обычаю и вѣрованію старается дать объясненіе и оправданіе при помощи библіи.

Разсказъ библейской „книги Товита“ пользовался въ старину большою извѣстностію и легъ въ основу разсказа о томъ, „какъ Провъ назвалъ Иисуса братомъ“ и однороднаго съ нимъ: „указа о братотвореніи“ или „побратимствѣ“²⁾.

¹⁾ Жив. Старина, в. II. 1890 г., стр. 137.

²⁾ „Матеріалы и замѣтки по старинной Славянской литературѣ“, М. Соколовъ. М. 1888 г., вып. I.

Весьма замѣчательно то, что жена Семиклея—Селевкія, не названная въ текстахъ южнославянскаго апокрифа, въ Русскомъ „указѣ о братотвореніи“ называется *Купавой*. Ясно, что въ XVI вѣкѣ народъ уже не помнилъ о первоначальномъ значеніи купальскихъ игрищъ. Самыя эти игрища подвергались значительнымъ измѣненіямъ и искаженіямъ точно такъ-же, какъ и купальскія пѣсни. Такъ въ новѣйшихъ вариантахъ купальскихъ пѣсенъ „мирена“ или „вильце“ называется уже „купаломъ“.

На городи лонухъ, лонухъ
 Писковскимъ хлопцямъ
 Живить опухъ.
 Ныхай пухне, ныхай знаютъ
 Ныхай купайло ны ломають.
 Наше купайло до мисяца
 Писковскыи хлопци повисятъця.*)

Неудивительно, что Польскіе историки XVII вѣка Кромеръ, Стрыйковскій, Гваньинъ и др. на основаніи такихъ искаженныхъ купальскихъ обрядовъ и пѣсенъ, вполне непонятныхъ для нихъ, создали несуществовавшее божество Славянъ—бога „Купалу“. Ошибку эту повторили и многіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей. Между тѣмъ ни Несторъ, ни другіе древнѣйшіе писатели, упоминая о прочихъ славянскихъ божествахъ, не упоминаютъ вовсе о мнимомъ богѣ Купалѣ. Нашъ народъ, олицетворяя свои праздники въ видѣ живыхъ существъ („Параскева-Пятница“, „Анастасія-Воскресенье“, „святой Понедѣльникъ“ и т. п.) не преминулъ тоже сдѣлать и съ купальскими праздниками. Въ одномъ народномъ стихѣ разсказывается слѣдующее: „Жилъ въ Кіевѣ князь Неупокой Мироновичъ. Дожилъ Неупокой до старости и видитъ онъ однажды чудный сонъ, что лежитъ за городомъ въ хворости и болѣзни убогая вдовица и слышитъ онъ голосъ, чтобы взять эту вдовицу себѣ на дворъ, кормить, поить еѣ до исхода души и тогда будетъ ему „во грѣхахъ отрада“.... Пошелъ Неупокой за городъ, отыскалъ тамъ вдовицу и спросилъ ее объ имени. „Родомъ я изъ Новгорода, отвѣчала вдовица, а зовутъ меня Купальницей“. Князь-бояринъ Неупокой Мироновичъ началъ звать ее къ себѣ на житье. Купальница согласилась, но прежде всего велѣла ему созвать на свой широкій дворъ „нищую братію, всѣхъ калѣкъ переходящихъ“, напоить ихъ медовою сытою, накормить кашею гречневою. Сотворилъ князь-бояринъ Неупокой Мироновичъ повелѣнное, и пришла къ нему вдовица Купальница и сѣла за общій столъ съ нищею братією. Съ тѣхъ поръ началъ Неупокой ежегодно строить столы для убогихъ, а Купальница жила у него во дворѣ“. Изъ вышеприведеннаго стиха ясно видно опять таки, что между купальскими праздниками, олицетворенными въ видѣ „вдовицы-купальницы“ и „русальнымъ праздниками“, на которыхъ совершалось и поминовеніе усопшихъ, выразившееся позднѣе въ кормленіи „нищей братіи“, существуетъ тѣсная связь.

А. Баловъ.

*) Жив. Стар., в. I. 1894 г. стр., 89.